

Защитив своих детей, Россия обретет будущее!

ВОПРОСЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

ISSN 2072-3695

9 772072 369774 >

№ 3 (73) 2019

ВОПРОСЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№ 3 (73)
2019

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия. Рег. ПИИ № ФС77-29366 от 23.08.2007. Выходит с 2005 г. Издается 4 раза в год

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор:

Автономов Алексей Станиславович,
доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Зыков О.В., к.мед.н., доцент (шеф-редактор);

Предеина И.В., к.ю.н.

(заместитель главного редактора);

Альтшулер Б.Л., к.физ.-мат.н.;

Карнозова Л.М., к.психол.н.;

Королев С.В., д.ю.н., профессор;

Марков И.И., заслуженный юрист РФ;

Марковичева Е.В., д.ю.н., доцент;

Нарутто С.В., д.ю.н., профессор;

Николюк В.В., д.ю.н., профессор;

Панченко В.Ю., д.ю.н., доцент;

Плоцкая О.А., д.ю.н., доцент;

Ростовская Т.К., д.социол.н., профессор;

Сердюк Л.В., д.ю.н., профессор;

Тропина Л.И., заслуженный юрист РФ;

Хананашвили Н.Л., к.ю.н.;

Хисматуллин Р.С., д.ю.н., профессор;

Цымбал Е.И., к.мед.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб Владислав Валерьевич,

доктор юридических наук, профессор, чл.-кор. РАО,
заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., **Белых В.С.,** **Ренов Э.Н.,**

Платонова О.Ф., **Трунцевский Ю.В.**

Редакция:

Лаптева Е.А., **Соловьева Д.В.**

Тел. / факс: (495) 953-91-08, 953-77-94

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

Тел. / факс: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписка по России:

Объединенный каталог. Пресса России — 91888.

Адрес издательства / редакции:

125057, г. Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Содержание номера

ТЕОРИИ

3 Виноградова О.Б., Ибрагимова З.Н., Орлова Ю.Р. Некоторые особенности правосознания и правовой культуры несовершеннолетних, совершивших преступления, в условиях трансформации российского общества

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

7 Сердюк Л.В., Сердюк П.Л. Особенности правовой оценки детоубийств (по материалам теории и практики)

11 Мелюханова Е.Е. Наказание в виде штрафа для несовершеннолетних с экономической точки зрения

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

15 Смирных С.Е. Осуществление и защита прав детей в международном публичном и международном частном праве

ПОЛЕМИКА

19 Бобровская О.Н. Правовой статус несовершеннолетних и их законных представителей при проведении вакцинации

ДОКУМЕНТЫ.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

23 Николюк В.В., Владыкина Т.А. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части 2 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда»: научно-практический комментарий

28 Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда»

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Печ. л. 4.

Общий тираж 2500 экз. Цена свободная.

Подписан в печать 06.08.2019. Номер вышел в свет 21.08.2019.

ISSN 2072-3695

ISSUES OF JUVENILE JUSTICE

No. **3 (73)**
2019

Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage. Reg. PI No. FC77-29366 August 23, 2007. Published since 2005. Published bimonthly with 4 issues a year.

Founder: Jurist Publishing Group

Editor in Chief:

Avtonomov Alexey Stanislavovich,
LL.D., professor

Editorial Board:

Zykov O.V.,
PhD in Medicine, associate professor
(Editorial Director);

Predeina I.V.,
PhD (Law)
(Deputy Editor in Chief);

Al'tshuler B.L., PhD in Physico-mathematical sciences;

Kamozova L.M., PhD in Psychological sciences;

Korolev S.V., LL.D., professor;

Markov I.I., Honored Lawyer of the Russian Federation;

Markovicheva E.V., LL.D., associate professor;

Narutto S.V., LL.D., professor;

Nikolyuk V.V., LL.D., professor;

Panchenko V.Y., LL.D., associate professor;

Plotskaya O.A., LL.D., associate professor;

Rostovskaya T.K., doctor of sociological sciences, professor;

Serdyuk L.V., LL.D., professor;

Tropina L.I., Honored lawyer of the Russian Federation;

Khananashvili N.L., PhD (Law);

Khismatullin R.S., LL.D., professor;

Tsy'mbal E.I., PhD in Medicine

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib Vladislav Valer'evich,
LL.D., professor, corresponding member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

Deputy Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E'.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.
Tel. / fax: (495) 953-91-08, 953-77-94

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

Subscription in Russia:

Unified catalogue. Russian press — 91888

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 125057.

**Recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Education
and Science of the Russian Federation for publication
of basic results of candidate and doctor theses.**

© NAN, Jurist Publishing Group, 2019

Contents

THEORIES

3 Vinogradova O.B., Ibragimova Z.N., Orlova Yu.R.

Some Peculiarities of the Legal Consciousness and Legal Culture of Minor Offenders in the Conditions of Transformation of the Russian Society

CRIMINAL LAW AND PROCEDURAL ASPECTS

7 Serdyuk L.V., Serdyuk P.L. Peculiarities of the Legal Evaluation of Infanticide (Based on Files of the Theory and Practice)

11 Melyukhanova E.E. Punishment of Minors in the Form of a Fine from the Economic Standpoint

INTERNATIONAL LAW ASPECTS

15 Smirnykh S.E. Exercising and Protection of the Rights of Children in Public and Private International Law

POLEMICS

19 Bobrovskaya O.N. The Legal Status of Minors and Their Legal Representatives at Vaccination

DOCUMENTS. ANALYTICAL FILES.

23 Nikolyuk V.V., Vladykina T.A. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of May 22, 2019, On the Case of Verification of Constitutionality of Clause 2.1, Part 2 of Article 30 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Following the Request from the Leningrad Regional Court: A Scientific and Practical Commentary

28 Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of May 22, 2019, On the Case of Verification of Constitutionality of Clause 2.1, Part 2 of Article 30 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Following the Request from the Leningrad Regional Court

Printed by LLC National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet 4.0.

Circulation 2500 copies. Free market price.

Passed for printing: 06.08.2019. Edition was published: 21.08.2019.

ISSN 2072-3695

Некоторые особенности правосознания и правовой культуры несовершеннолетних, совершивших преступления, в условиях трансформации российского общества

Виноградова Ольга Борисовна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
Государственного университета по землеустройству,
кандидат юридических наук, доцент
prepodavatel55@mail.ru

Ибрагимова Зарина Николаевна,

доцент кафедры муниципального и экологического права
Юридического Института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
кандидат педагогических наук
zarina57rus@yandex.ru

Орлова Юлия Рудольфовна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
Государственного университета по землеустройству,
кандидат юридических наук, доцент
yuorlova76@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности формирования правосознания и правовой культуры несовершеннолетних преступников, во многом определяющие современное состояние преступности несовершеннолетних. В ходе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что дефектность правосознания и правовой культуры у несовершеннолетних преступников проявляется во всех основных структурных компонентах личности: и в когнитивно-познавательном компоненте; и в эмоционально-ценностном; и в деятельностно-практическом. Основную роль в повышении уровня правосознания и правовой культуры играет правовое воспитание.

Ключевые слова: правосознание и правовая культура несовершеннолетних преступников в современных условиях, дефекты правосознания у несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления, элементы содержания правосознания несовершеннолетних, правовое воспитание.

Some Peculiarities of the Legal Consciousness and Legal Culture of Minor Offenders in the Conditions of Transformation of the Russian Society

Vinogradova Olga B.

Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Law Faculty of the State University of Land Use Planning
PhD (Law), Associate Professor

Ibragimova Zarina N.

Associate Professor of the Department of Municipal and Environmental Law
of the Law Institute of the Orel State University named after I.S. Turgenev
PhD in Pedagogy

Orlova Yulia R.

Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Law Faculty
of the State University of Land Use Planning
PhD (Law), Associate Professor

The article discusses some features of the formation of legal consciousness and legal culture of juvenile offenders, largely determining the current state of juvenile crime. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the defectiveness of legal consciousness and legal culture in juvenile offenders is manifested in all the main structural components of personality: in the cognitive-cognitive component; in the emotional-value

component; and in the activity-practical component. The main role in raising the level of legal awareness and legal culture is played by legal education.

Keywords: *legal awareness and legal culture of juvenile offenders in modern conditions, defects in legal awareness of minors who have committed violent crimes, elements of the content of juvenile justice, legal education.*

Специалисты отмечают, что характерной чертой социальной действительности последних десятилетий, сопровождающих трансформацию российского общества, является увеличение масштабов и форм разнообразных девиаций, в том числе несовершеннолетних¹. Самое простое изложение лишь основных фактов, иллюстрирующих масштабы распространения девиаций в современной России в несовершеннолетней среде, свидетельствует о появлении качественно новых черт преступности несовершеннолетних. Отмеченные акцентуации в преступном поведении несовершеннолетних в последние годы все чаще обнаруживают свою сопряженность с активизацией нападений несовершеннолетних на образовательные учебные заведения. При этом данные деяния обладают крайне высокой степенью общественной опасности, потому что имеют насильственный характер, сопряжены с применением оружия и причинением вреда жизни и здоровью, как правило, сразу нескольким потерпевшим (чаще всего преподавателям, ученикам, реже — иным сотрудникам образовательных учреждений)².

Целая серия (более 15 эпизодов) вооруженных нападений, зарегистрированная в российских образовательных учреждениях (в основном в школах) в 2017–2018 гг., по мнению экспертов, свидетельствует о том, что правоохранительные органы «проспали криминализацию современных подростков в некоторых регионах “в новой реальности”»³. Наличие данной тенденции, безусловно, свидетельствует о начавшейся качественно новой социальной дезадаптации и десоциализации несовершеннолетних, что ведет к стремительной криминализации их личности, к формированию новых антиобщественных взглядов, снижению уровня правосознания, приобретению к преступной деятельности, имеющей качественно новые формы. Именно насилие, в том числе сопряженное с применением огнестрельного или холодного оружия, все чаще становится для подростков способом разрешения своих проблем с одноклассниками или преподавателями. Таким образом, трансформация российского общества и все радикальные преобразования современности привели к «эрозии» общественного сознания, и особенно несовершеннолетних. На этом фоне мы фактически наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и со-

циальных регуляторов вообще. Семья и школа перестали воспитывать, юстиция и право — сдерживать, правоохранительные структуры — пресекать и предупреждать, культурные институты — транслировать обществу подлинные смыслы и ценности. В результате сегодня девиантное поведение несовершеннолетних в России приобретает качественно новые формы. Стирается грань между «трудными» и «обычными» подростками⁴. По мнению Кубякина М.О., моральный, нравственный, интеллектуальный потенциал молодого поколения уничтожается в первую очередь деятельностью российских СМИ. Следствием этого стало оскудение духовного мира вступающих в самостоятельную жизнь россиян, криминализация сознания молодых граждан, рост агрессивности в молодежной среде⁵. В последние годы кривая преступности несовершеннолетних снова незаметно пошла вверх. Только за 2018 г. несовершеннолетними и при их участии было совершено 43 553 преступления, из них около 22,3% относятся к числу тяжких и особо тяжких. Всего приняло участие 40 860 несовершеннолетних (и это при условии сокращения данной возрастной демографической группы и декриминализации ряда деяний, распространенных среди несовершеннолетних, как, например, побои и т.д.)⁶.

Большинство отечественных и зарубежных криминологов, изучая вопросы детерминации преступности несовершеннолетних, связывают их главным образом с социально-экономическими проблемами. Вместе с тем в ходе проведенных многочисленных исследований было доказано, что социально-экономическое положение играет роль лишь социального катализатора, который может усиливать или замедлять рост преступности как в целом, так и среди отдельных социально-демографических групп населения, в том числе и среди несовершеннолетних. Определяющее же влияние на принятие решения совершить преступление, а соответственно, и на состояние такого вида преступности, как преступность несовершеннолетних, оказывает уровень их правосознания и правовой культуры. Устанавливая в ч. 1 ст. 20

¹ Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник института социологии. 2013. № 7. С. 155–156. URL: http://vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Hagurov.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

² Случаи нападений в российских школах в 2017–2018 годах. Досье. URL: <https://tass.ru/info/4885783> (дата обращения: 20.02.2019).

³ Подростковая угроза: с чем связана серия нападений в российских школах. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2018/5a620f959a79475dfd56b4b0> (дата обращения: 25.02.2019).

⁴ Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко, А.П. Резник, Е.А. Войнова, М.Е. Позднякова, А.А. Щипкова, Л.Н. Рыбакова, Н.Е. Хагурова ; под науч. ред. Т.А. Хагурова. М. : Институт социологии РАН ; Краснодар : Кубанский гос. ун-т ; Парабеллум, 2013. С. 5. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Riski_vzrosleniya_v_sovremennoy_Rossii.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

⁵ Кубякин Е.О. Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества // Общество и право. 2010. № 2(29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-molodezhnoy-kultury-v-usloviyah-sovremennogo-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 09.03.2019).

⁶ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2018 года. Сборник ГИАЦ МВД России. М., 2019. С. 48, 50.

Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ⁷ (далее — УК РФ) общий возраст уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные преступления — с 14 лет, уголовный закон учитывает, что с достижением именно такого возраста несовершеннолетний в полной мере способен оценивать своё поведение, в том числе и преступное. Законодатель признает, что несовершеннолетний, как субъект уголовно-правовых отношений, только достигнув определенного возраста, может обладать в полной мере правосознанием и волей. Именно наличием этого фактора обусловлен выбор законодателем возраста наступления уголовной ответственности, определенного в ст. 20 УК РФ.

Общеизвестно, что правовая культура личности является составляющей базовой культуры человека, в том числе и несовершеннолетнего. Она всегда характеризует качество и глубину правовых знаний, степень понимания нравственно-юридического смысла правовых норм, качество правовых взглядов, реализуемых в бытовой, трудовой, общественной жизнедеятельности, проявляющихся в соблюдении правовых норм, отстаивании собственных прав и свобод, правомерном поведении. Непосредственное изучение объяснений указанных подростков и их опрос показывают, что для них приоритет имеет не «сила закона», а «сила оружия». Дефектность правовой культуры проявляется у них во всех основных структурных компонентах личности: и в когнитивно-познавательном компоненте (правовом сознании, правовом мышлении, правовых взглядах и убеждениях); и в эмоционально-ценностном (правовые чувства, правовые ценности, правовые ценностные ориентации); и в деятельностно-практическом (о чем свидетельствует мотивация их противоправного поведения, отсутствие правовых установок, привычек и навыков правомерного поведения)⁸.

Одной из причин распространения подростковой агрессии эксперты называют «разрушение» системы подразделений по делам несовершеннолетних. Сегодня такая система практически отсутствует или является неэффективной⁹. Плановое сокращение МВД привело к исчезновению во многих территориальных подразделениях должности инспектора ПДН или укрупнению административных участков на фоне сокращения инспекторского состава, оптимизация в ОВД привела к тому, что в территориальных отделах полиции существует дефицит квалифицированных специалистов, в особенности в тех службах, где требуются специалисты с опытом работы и профессионалы своего дела, на местах¹⁰.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Ибрагимов З.Н. Правосознание, правовая культура, правовое воспитание: учебное пособие / З.Н. Ибрагимов. Орёл: Изд-во ОГУ имени И.С. Тургенева, 2019. 95 с.

⁹ Подростковая угроза: с чем связана серия нападений в российских школах. За неделю в российских школах произошло три нападения на учащихся. В МВД «проспали» криминализацию сознания в некоторых регионах, уверены эксперты. Власти уже начали предлагать методы работы в «новой реальности». URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5376> (дата обращения: 09.03.2019).

¹⁰ Кудряшов А.В. Оптимизация личного состава в Министерстве внутренних дел Российской Федерации как фактор,

Хотя именно сотрудники вышеуказанных подразделений всегда играли большую роль в повышении правосознания несовершеннолетних, поскольку именно на них возложена обязанность осуществлять индивидуальную профилактическую работу с отдельными категориями несовершеннолетних. Вышеуказанные процессы во взаимодействии с антиправовой мотивацией нарушения уголовного закона привели к тому, что антисоциальная мотивация агрессии, корысти, легкомыслия и др. криминализировались и способствовали совершению вышеуказанных жестоких преступлений со стороны несовершеннолетних. При этом стержнем криминальной мотивации подобных преступлений является, безусловно, дефектность правового сознания и правовой культуры вышеуказанных подростков. Деформированность правовых знаний, установок, убеждений у несовершеннолетних правонарушителей выражается также и в правовой неграмотности, в неправильном отношении к праву и к исполнению правовых предписаний. По мнению Ефименко Л.А., анализ особенностей правосознания несовершеннолетних в развитии, во взаимосвязи с иными личными характеристиками, другими формами сознания позволяет сделать вывод о нескольких типах правосознания современных несовершеннолетних, совершивших преступления: нигилистский, безграмотный, зависимый от потребностей, неустойчивый и циничный¹¹.

Особенности правосознания современных подростков во многом обусловлены их отличительными чертами, среди которых наиболее яркими являются следующие: 1) особый вид прагматизма (современные подростки в большинстве своем прагматики. Не стоит думать, что они не хотят учиться. Они хотят и учатся, но не всему, а тому, что им может пригодиться по жизни. Согласно результатам социологических исследований так думает каждый второй подросток. Каждый четвертый полагает, что сила — в разуме, и лишь 18 процентов подрастающего поколения верят, что «миром правит любовь»); 2) «клиповость» мышления или коренное изменение стиля мышления. Мало кто из современных подростков воспринимает мир целостным и во всем ищет причинно-следственные связи. Вся жизнь в его глазах — череда ярких картинок, эпизодов; 3) современные подростки менее способны надолго концентрировать внимание на чем-то одном, по этому поводу нейропсихологи отмечают, что для современных подростков стала нормой недоразвитость лобной доли левого полушария. Возможно, это компенсируется развитием другой части мозга, но какой именно — наукой пока не выяснено; 4) современные подростки — дети цифровой эпохи. Виртуальная реальность для

влияющий на рост преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-lichnogo-sostava-v-ministerstve-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-kak-faktor-vliyayuschiy-na-rost-prestupnosti> (дата обращения: 02.04.2019).

¹¹ Ефименко Л.А. Криминологический анализ взаимосвязи правосознания и преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 4–5. URL: <https://www.dissercat.com/content/kriminologicheskii-analiz-vzaimosvyazi-pravosoznaniya-i-prestupnosti-nesovershennoletnikh>

многих из них стала главной реальностью. Четверо из пяти подростков имеют аккаунты в социальных сетях. На свои вопросы подростки ищут ответы в глобальной сети. Лучший способ расслабиться и отвлечься для них — компьютерная игра, лучший способ доказать свое превосходство — она же; 5) увлечение массмедиа и инфантильность современных подростков; здесь следует заметить, что, отрабатывая впоследствии различные версии возможной взаимосвязи нескольких нападений на школы, следователи не исключали, что во всех трех случаях побуждение к действию подростки получили через соцсети. Так, например, в «ВКонтакте» А. был подписан на группы, связанные с насилием и нацизмом. При совершении другого нападения следователи Пермского края установили, что подростки, напавшие на школу № 127, в «ВКонтакте» были подписаны на группы «Колумбайн», связанные с событиями в американской школе Columbine High School в Колорадо, где в 1999 г. учащиеся убили 13 своих одноклассников, а затем совершили самоубийство. И только уже после третьего нападения в Улан-Удэ и Перми Роскомнадзор заблокировал три группы в «ВКонтакте», которые, по мнению Роскомнадзора, размещали информацию, способную побудить школьников к противоправным, асоциальным поступкам, результатом которых могли стать действия суицидального характера после совершенного нападения. При этом во всех приведенных примерах социальная роль закона такими подростками полностью игнорировалась и нередко противопоставлялась целесообразности правопослушного поведения¹²; 6) толерантность к негативным социальным явлениям: подавляющее большинство подростков спокойно относятся к таким явлениям, как проституция, беспорядочные половые связи, ранние сексуальные отношения, нестандартная ориентация; 7) нынешние подростки живут в социальных сетях, и эта тенденция, с одной стороны, имеет позитивный момент: если раньше социализация в школе не удавалась, ребёнок был несчастным (фильм «Чучело»); сейчас же, если в школе ребёнок никто, в интернет-мире он «повелитель драконов», и окружающие его обожают. У человека нет такого ужасного ощущения одиночества. Однако, как мы видим, это явление имеет и другой эффект — способствует совершению насильственных преступлений на территории образовательных учреждений, когда социализация подростка затруднена. Таким образом, все перечисленные факторы влияют на уровень правосознания и правовой культуры современных подростков.

Проведенные нами исследования относительно правовой осведомленности несовершеннолетних также свидетельствуют о том, что в основном у подростков преобладают знания отдельных положений Конституции Российской Федерации¹³ и уголовного закона, хотя и они носят фрагментарный характер. Многие не-

правильно представляют и толкуют содержание важных уголовно-правовых положений и институтов. Так, например, при опросах подростков выяснилось, что они ошибочно предполагали, что условное осуждение — это не осуждение, а называли его полным освобождением от уголовной ответственности, ошибались в оценке действий соучастников преступлений (например, предполагали, что если несовершеннолетний только проник в квартиру, не вынося лично похищенное имущество, но обеспечивал доступ в квартиру соучастников, то это не является преступлением, необоснованно сужали и круг деяний, влекущих уголовное наказание, не знали об ответственности за пособничество, соучастие, приготовление и покушение на преступление и др. Мнение о лучшем знании закона правонарушителями в значительной мере ошибочно. Во-первых, до первого преступления их правовая осведомленность мало чем отличается от осведомленности их сверстников с хорошим поведением; во-вторых, эти знания случайны и бессистемны. Опрошенные нами правонарушители знали нормы уголовного права в той мере, в какой им лично приходилось на себе испытывать действие этих норм или в какой такое действие испытывали их знакомые. Об уголовном наказании, его истинном характере 65% несовершеннолетних правонарушителей узнает уже после совершения преступления¹⁴.

Безусловно, предупреждение преступлений несовершеннолетних в современных условиях имеет множество направлений. Однако одним из приоритетных является правовое воспитание и правовое обучение как процессы целенаправленного, системного, взаимосвязанного воздействия на сознание, чувства, поведение несовершеннолетних, объективных и субъективных факторов, обеспечивающих необходимый, принятый в данном обществе уровень формирования правовых знаний, убеждений, ценностных ориентаций, установок, умений, развитие уважительного отношения к праву, умений по отстаиванию своих прав и защите прав других несовершеннолетних, навыков правомерного поведения, согласующиеся с потребностями, ценностями правового общества. А недооценка их значимости приведет только к массовой правовой невоспитанности и юридической безграмотности. А потому потребуются единая многоступенчатая система правового обучения детей и молодежи, основанная на специализированной профессиональной подготовке кадров и концепции правового образования несовершеннолетних. Только так, путем повышения уровня правосознания и правовой культуры несовершеннолетних, в ходе правового образования и воспитания, осуществляемого всеми субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, можно достичь основной цели — формирования законопослушной личности. А значит, и достичь основной цели профилактики преступлений — обеспечения безопасности личности в российском обществе.

¹² Подростковая угроза: с чем связана серия нападений в российских школах : материалы Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5376> (дата обращения: 09.03.2019).

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Некоторые особенности правосознания несовершеннолетних и их учет в правовом воспитании. URL: <http://isfic.info/pavan/nesvosp16.htm> (дата обращения: 20.06.2019).

Литература

1. Ефименко Л.А. Криминологический анализ взаимосвязи правосознания и преступности несовершеннолетних : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Л.А. Ефименко. Краснодар, 2004. 26 с.
2. Ибрагимова З.Н. Правосознание, правовая культура, правовое воспитание : учебное пособие / З.Н. Ибрагимова. Орёл : Издательство ОГУ имени И.С. Тургенева, 2019. 95 с.
3. Кубякин Е.О. Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества / Е.О. Кубякин // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 263–267.
4. Кудряшов А.В. Оптимизация личного состава в Министерстве внутренних дел Российской Федерации как фактор, влияющий на рост преступности / А.В. Кудряшов // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 60–61.
5. Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Т.А. Хагуров [и др.] ; под научным редактированием Т.А. Хагурова. Москва : Институт социологии РАН ; Краснодар : Кубанский государственный университет : Парабеллум, 2013. 276 с.
6. Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России / Т.А. Хагуров // Вестник института социологии. 2013. № 7. С. 155–156.

Особенности правовой оценки детоубийств (по материалам теории и практики)

Сердюк Леонид Васильевич,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
leonid-pro@mail.ru

Сердюк Павел Леонидович,

старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
pavel.ser@mail.ru

Проводится исследование оценочных признаков состава ст. 106 Уголовного кодекса РФ об ответственности за детоубийство. Рассматриваются вопросы, связанные с такими понятиями, как убийство матерью новорожденного ребенка «сразу же после родов», «в условиях психотравмирующей ситуации», «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости», и др. Проводится сравнительный анализ положений закона с аналогичными законами других государств. Вносится предложение законодателю по вопросу совершенствования указанной статьи.

Ключевые слова: детоубийство, убийство новорожденного, бэби-бокс, женщины-детоубийцы, психотравмирующая ситуация, беззащитная жертва.

Peculiarities of the Legal Evaluation of Infanticide (Based on Files of the Theory and Practice)

Serdyuk Leonid V.

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
LL.D., Professor

Serdyuk Pavel L.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law)

A study of the evaluation of the signs and the concepts of the whole of article 106 of the Criminal Code providing for liability for infanticide. Address issues related to such concepts as murder by a mother of her

newborn child «immediately after birth», «in the midst of traumatic situation», «in a State of mental disorder, not precluding sanity», etc. Comparative analysis of the provisions of the law with similar laws in other States. Proposal to the legislator on the improvement of the law.

Keywords: *infanticide, murder of a newborn, baby box, woman-child-killers, psychotraumatic situation, defenseless victim.*

Несмотря на принимаемые государством меры, актуальность борьбы с детоубийствами в России остается на прежнем высоком уровне. Состав ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)¹ содержит оценочные признаки, которые вызывают сложности при их толковании на практике. Нет единства в толковании состава детоубийства и в юридической литературе. Противоречиво с правовых позиций толкуются такие признаки, как убийство матерью новорожденного «сразу же после родов», «в условиях психотравмирующей ситуации», «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости».

Касаясь истории вопроса уголовной ответственности за детоубийство в России, можно отметить нестабильность статистики этих преступлений. Рост детоубийств наблюдался в конце 50-х годов, когда эти преступления выросли до 64% в сфере бытовых насильственных преступлений. К середине 70-х число этих преступлений снизилось до 35%². Тенденция к снижению продолжалась, достигнув к 90-му году 11,1%. Но в 1996-м году детоубийства увеличились по отношению к 1990-му году на 94%, а в 1998-м году этот процент увеличился почти в два раза³.

Снижение статистики детоубийств в обновленной России началось только с 2006 г. (с 219 уголовных дел в 2005 г. до 98 — в 2015 г.). В последующие годы, по официальным общероссийским статистическим данным, в общей структуре убийств доля детоубийств остается на прежнем уровне⁴. Однако указанная статистика не является достоверным показателем действительности. Данный вид преступлений в значительной степени находится в числе латентной преступности по известным объективным причинам. Эти виды убийств чаще других носят скрытый характер от правоохранительных органов. В целях их предупреждения на государственном и общественном уровнях в России создаются так называемые «бэби-боксы», которые существуют сегодня уже в 12 регионах. Роль этих организаций заключается в спасении новорожденных, если им грозит убийство матерью при родах или сразу после них. Работники данных организаций забирают детей в случае, если матери находятся в трудной жизненной ситуации и отказываются от ребенка. Это, без сомнения, полезные и нужные организации, но вряд ли их деятельность существенно влияет на общую статистику детоубийств.

Ю.М. Антонян считает, что выделение уголовной ответственности за детоубийство в отдельную более мягкую

норму неверно, так как здесь нельзя усмотреть смягчающие вину обстоятельства. «Ссылка на болезненное состояние матери, на стыд за рождение ребенка вне брака, на материальные трудности и т.п. не могут служить оправданием убийства новорожденного». Статья 106, по мнению автора, нарушает принцип равенства граждан перед законом. Более того, убийство матерью беззащитной жертвы является «более грубым нарушением закона», чем обычное убийство⁵.

Однако эти доводы, по нашему мнению, относятся далеко не ко всем матерям-детоубийцам. Принимая во внимание психологию формирования мотива убийства, в большинстве случаев жестокость матери при убийстве ребенка находит лишь внешнее выражение. Не случайно раньше при отсутствии в Уголовном кодексе указанной специальной статьи суды почти всегда назначали не более 5 лет лишения свободы при наличии общей санкции ст. 103 Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР)⁶ до 10 лет. Еще в начале прошлого века ученый-психиатр А.О. Эдельштейн отмечал, что «детоубийство явилось чуть ли не первым правонарушением, в котором задолго до завоевания психиатрами должного места в суде судья без них принимал во внимание психологическое состояние обвиняемой»⁷.

При исследовании психологии матерей-детоубийц, отбывающих наказание в колониях, путем проведения с ними бесед выяснилось, что для некоторых из них действительно не нужно было вводить в кодекс привилегированную статью. Это молодые женщины, которые заранее планировали убийство своего будущего ребенка по причине полного отсутствия материнских чувств. Около 15% этих молодых женщин-детоубийц вели асоциальный образ жизни и ради свободы не желали иметь детей (3% из них вообще не любят детей). Эти женщины убивали детей вполне осознанно и хладнокровно. Однако подавляющее большинство молодых (и очень молодых) матерей-преступниц все-таки нельзя сравнивать с обычными бытовыми убийцами по той причине, что в формировании мотивов их преступных действий, как правило, присутствует целый комплекс смягчающих вину обстоятельств. Многие не имеют родителей или имеют одну мать с мизерным заработком. Только 22% из них работали или учились, остальные не имели постоянной работы, и «причина» убийства ребенка во время родов — несчастная любовь или случайная связь либо даже изнасилование, по разным причинам не повлекшее правовой защиты. До 40% из них не имели нормальных бытовых условий и материальной помощи от близких людей. Почти все сожалеют о совершенном преступлении и с наказанием согласны.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М., 1975. С. 30.

³ См.: Криминогенная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 76.

⁴ Подноскова А. СК РФ: Женщины-детоубийцы идут на преступление хладнокровно. URL: rvs.su/novosti/2017/sk-rf-zhen-shchiny-detoubiysy-idut-na-prestuplenie-hladnokrovno

⁵ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 35; Пушикина Н.И., Грицай Г.И. В сб.: Власть: криминальные и правовые проблемы. М., 2000. С. 217.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ В сб. Убийство и убийцы. М., 1928. С. 273.

Например, семнадцатилетнюю Н. после шести месяцев беременности оставил отец ее будущего ребенка, а родной отец выгнал из дома. Н. вынуждена была выехать из деревни в город. После двух неудачных криминальных аборт в общежитии, где жили ее подруги, Н. родила семимесячного ребенка и задушила его. На следствии она заявила, что была вынуждена так поступить. В этом преступлении, на наш взгляд, значительно больше виновно общество в лице близких матери-детоубийце людей, чем она сама.

Около 12% матерей-детоубийц — взрослые женщины, имеющие уже по 2–4 ребенка, когда следующий просто не вписывался в бюджет семьи. Убийство будущего ребенка они планировали заранее.

Можно сделать вывод, что в большинстве случаев мотив убийства новорожденного формируется под воздействием сложной жизненной ситуации. Однако очевидно, что в любом случае жизненную ситуацию нельзя признать причиной убийства. Причина тяжкого насильственного преступления в данном случае кроется в психологии женщины, основанной на соответствующем воспитании.

Что касается психического расстройства женщины при родах и после родов как одного из смягчающих вину обстоятельств, обратимся к профессиональному заключению врачей-психиатров. По их утверждению, в послеродовой период у женщины наблюдаются психические расстройства, которые проявляются «в форме неврозов, повышенной психологической лабильности, состоянии легкой депрессии и детерминированы эндокринными изменениями. Эти расстройства психики женщины значительно осложняются, если этому предшествовало негативное воздействие со стороны близких лиц, тяжелое социальное положение и т.д. Во время родов женщина может дойти до поступков самых невероятных и даже до самоубийства»⁸.

Наши исследования показывают также, что на состояние женщины во время родов и сразу после них большое значение имеет обстановка, в которой происходят роды, отсутствие внимания со стороны близких лиц и любой посторонней помощи. В частности, обстановка может быть провоцирующей при формировании субъективной стороны преступления, способствующей формированию мотива убийства ребенка. В момент родов возможно внезапное появление намерения женщины избавиться от ребенка как причины физических страданий. Возникает даже состояние аффекта, что зависит главным образом от субъективных факторов психологического и нравственного характера роженицы. По свидетельству врачей, состояние аффекта, психологический срыв происходит у женщин по причине неустойчивой психики, а также от недостатка отдыха в дородовой период.

Представляют интерес показания одной из матерей-детоубийц. Стремление избавиться от ребенка у нее возникло задолго до родов и становилось навязчивой идеей на протяжении месяцев. Женщина за это время настолько привыкла к этой мысли, что в момент родов считала, что не убивает ребенка, а просто избавляется от беременности.

Подобный психологический механизм формирования мотива детоубийства чаще всего раскрывается в показаниях детоубийц из числа старшего поколения. «Большая разница, если женщина убивает ребенка во время родов, еще не видя его, и совершенно другое, если она уже держала на руках ребенка, смотрела на него и потом убила», — говорит одна из осужденных в беседе с ней.

В юридической учебной литературе советского времени существовало более широкое толкование детоубийства. Учеными высказывалось мнение, что при квалификации детоубийства матерью при родах «речь идет не только об убийстве новорожденного после отделения плода от тела матери, но и об убийстве ребенка, не начавшего самостоятельной внеутробной жизни. Например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до момента начала его самостоятельного дыхания»⁹. Обосновывалось это тем, что после 28 недель беременности ребенок считается жизнеспособным, а следовательно, уже имеет право на жизнь. Аналогичного толкования начала жизни придерживались и американские криминологи. Они даже признавали началом жизни двенадцатинедельный срок беременности, т.е. начало развития у ребенка мозга и, соответственно, признаков сознания.

В последующем в России эта позиция не нашла подтверждения ни в юридической литературе, ни в уголовном законе по той причине, что нельзя отнять у ребенка жизнь до ее самостоятельного начала. Практика следствия и судов также справедливо не пошла по этому пути. Иначе последствия криминальных, да и врачебных аборт можно было бы считать убийством.

Спорным в науке и на практике является также период времени после родов, в течение которого ст. 106 УК РФ может быть применена при конкуренции с ч. 1 ст. 105 УК РФ. Положение закона: «убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости», — является неопределенным, требующим разъяснения специалистом в каждом конкретном случае. Комментарий к УК РФ поясняет это законодательное положение как «расстройство матери, возникающее не одновременно, а постепенно... на фоне негативного воздействия внешних факторов на психику»¹⁰. Как видим, сплошные оценочные понятия.

По мнению врачей, психотравмирующая ситуация может длиться в течение месяца. Получается, что в течение этого срока убийство матерью родившегося ребенка может быть квалифицировано по ст. 106 УК РФ. Представители низшего звена медперсонала (акушеры) отводят психическому расстройству роженицы при внешнем негативном воздействии на нее психотравмирующей ситуации недельный срок. Юристы по понятным причинам, как показано выше, толкуют данный вопрос крайне неопределенно.

Вряд ли эти разъяснения закона могут чем-то помочь следствию и суду, поскольку отсутствует ответ на главный

⁸ Цит. по Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 113.

⁹ См., например: Курс советского уголовного права. Часть особенная. Т. 5 (Преступления против личности) / под ред. А.А. Пиантковского, П.С. Ромашина, Г.Л. Кригер. М. : Наука, 1971. С. 22.

¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ ; ИНФРА-М, 2009. С. 298.

вопрос — в течение какого срока после родов детоубийство содержит признаки состава ст. 106 и когда вступает в действие ст. 105 УК РФ. В данном случае, на наш взгляд, встает даже вопрос о целесообразности применения к матери наказания по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признакам убийства малолетнего, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, при условии полного отсутствия смягчающих обстоятельств.

Итак, единственным смягчающим обстоятельством при детоубийстве может быть предусмотренное в законе «особое психическое состояние женщины» в момент родов и непосредственно после них, обусловленное экстремальной ситуацией — родами. Данное состояние женщины, его продолжительность, на наш взгляд, следует определять в каждом конкретном случае с помощью специалистов, учитывая индивидуальные особенности женщины и условия психотравмирующей ситуации. По нашему мнению, здесь в обязательном порядке должна назначаться уже в начале следствия судебно-психологическая экспертиза с участием психологов и психиатров.

В части уточнения формулировки уголовного закона об ответственности за детоубийство обратимся к конструкции этого закона в зарубежном законодательстве. Ответственность матери за убийство ребенка во время родов, например, более определенно сформулирована в Уголовном кодексе Швейцарии (далее — УК Швейцарии)¹¹: «Если мать убивает своего ребенка во время родов или в период того времени, когда она находится под влиянием процесса родов, то она наказывается тюремным заключением» (на срок не более трех лет тюрьмы) (ст. 116 УК Швейцарии). Фактически этот закон по своему смыслу почти соответствует закону России, но он не допускает неопределенности, двусмысленного толкования. В нем содержится вполне определенный критерий — болезненное состояние женщины в момент убийства ребенка должно быть связано именно с процессом родов. Нам представляется, такая формулировка детоубийства является предпочтительной и для ст. 106 УК РФ в целях достижения определенности ее толкования.

В подавляющем большинстве случаев, как показывает изучение уголовных дел, детоубийства совершаются матерью без присутствия посторонних лиц и чаще после родов. Но в отдельных случаях это происходит и во время родов, когда этот процесс проходит без посторонней помощи, когда мать старается помочь себе. В данном случае, если в результате наступает смерть ребенка, речь может идти и об отсутствии прямого умысла на убийство, что исключает уголовную ответственность.

Примером может служить прекращение уголовного дела по факту убийства ребенка во время родов семнадцатилетней М. за отсутствием вины. Роды проходили в комнате общежития при отсутствии посторонних лиц. Судебно-медицинский эксперт в заключении указал, что ребенок задушен руками. При допросе, объясняя свое заключение, эксперт заявил, что М. могла задушить ребенка по неосторожности при условии, «если он шел правильно». В результате уголовное дело было прекращено за неустановлением умысла на убийство. Следствие признало, что смерть

ребенку причинена матерью по неосторожности в результате существующего у нее болевого стресса.

Признаком умышленной вины матери при убийстве ребенка во время родов чаще всего является стремление женщины скрыть свою беременность и рожать без свидетелей, которые могут помешать реализации ее замысла. Но в дородовой период, как свидетельствуют психологи, умысел не является определенным, он конкретизируется непосредственно во время родов под воздействием стрессовой ситуации.

Особенностью убийства матерью ребенка во время родов или сразу после них является совершение данного преступления не только путем конкретных действий, но и путем бездействия при оставлении родившегося ребенка в опасном для жизни состоянии. Квалифицировать это бездействие как убийство можно лишь в тех случаях, когда мать осознает опасность и способна принять меры к спасению ребенка.

Представляет правовой интерес уголовный закон Голландии, который различает по степени общественной опасности умысел на убийство ребенка, возникший во время родов и заранее задолго до родов. В связи с этим существуют даже две статьи (290 и 291 Уголовного кодекса Голландии)¹², где предусмотрены сроки тюремного заключения соответственно до 6 и до 9 лет.

Наше законодательство не проводит такое деление ответственности для детоубийц, но это обстоятельство учитывается в суде при назначении наказания. Практика вынесенных приговоров показывает, что заранее возникший умысел почти всегда увеличивает срок наказания.

Мотив детоубийства, как правило, не бывает единственным. Он формируется на основе объединения нескольких мотивов, связанных со стремлением женщины избавиться от комплекса неприятностей, которые связаны с появлением ребенка. Сюда входит: тяжелое материальное положение, страх остаться с ребенком одной, стыд перед окружающими, страх перед родителями и т.д. Как правило, эти мотивы объединяются в один, который становится достаточно сильным, чтобы заставить совершить тяжкое преступление.

Нельзя отрицать мнение ученых о том, что подобные мотивы у женщин берут свое начало с древних веков, когда женщина преследовалась за внебрачную беременность не только по социальной линии, но и по религиозной. В современном мире некоторые из этих мотивов утратили свое исключительное воздействие на женщину. Однако они заменены другими, не менее действенными, основанными на эгоизме и корысти.

Субъективная сторона детоубийства содержит также эмоциональный признак. По мнению психологов, нервная и сосудистая системы женщины во время родов способны привести к ярко выраженным изменениям психики. Эти болезненные изменения и эмоциональное состояние сливаются при родах в один бурный процесс, который способен подчинить волю женщины и изменить ее действия в направлении скорейшего избавления от мук.

Не менее сложной является правовая оценка действий соучастников детоубийства. Очевидно, что для по-

¹¹ Уголовный кодекс Швейцарии от 21 декабря 1937 г. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran>

¹² Уголовный кодекс Голландии. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran>

собников и соисполнителей этого преступления ст. 106 УК РФ применена быть не может. По данной статье может нести ответственность только мать ребенка. Соучастники привлекаются к уголовной ответственности как пособники или соисполнители по ч. 1 ст. 105 УК РФ с добавлением соответственно ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ. Однако, если убийство ребенка другим лицом происходит без участия матери, действия этого лица следует квалифицировать как убийство при отягчающих обстоятельствах (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

К сожалению, уголовный закон не различает убийства матерью одного или двух родившихся детей.

В теории и на практике речь не идет о применении к матери в этом случае ст. 105 УК РФ. Дифференциация уголовной ответственности в данном случае решается не изменением квалификации, а данное отягчающее обстоятельство учитывается при назначении наказания. Аналогично, видимо, следует решать вопрос об уголовном наказании матери также в случае повторного детоубийства. Учитывая, что такие факты в практике могут быть, законодателью рекомендуется внести в ст. 106 УК РФ вторую часть, учитывающую данное обстоятельство с максимальным наказанием до восьми лет лишения свободы.

Литература

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин / Ю.М. Антонян. Москва : Российское право, 1992. 252 с.
2. Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : диссертация кандидата юридических наук / Л.А. Колпакова. Казань, 2007. 232 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.А. Ашин [и др.] ; под редакцией А.И. Чучаева. Москва : ИНФРА-М : Контракт, 2009. 1015 с.
4. Криминогенная ситуация на рубеже веков в России / под редакцией А.И. Долговой. Москва : Криминологическая ассоциация, 1999. 276 с.
5. Курс советского уголовного права : Часть общая. В 6 томах. Т. 5. Часть особенная: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления / под редакцией А.А. Пиантковского, П.С. Ромашина, Г.Л. Кригер. Москва : Наука, 1971. 571 с.
6. Пишикина Н.И. Компоненты ювенальной политики государства / Н.И. Пишикина, Г.И. Грицай // Власть: Криминологические и правовые проблемы. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2000. С. 216–220.
7. Подноскова А. СК РФ: Женщины-детоубийцы идут на преступление хладнокровно / А. Подноскова. URL: rvs.su/novosti/2017/sk-rf-zhenshchiny-detoubiytsy-idut-na-prestuplenie-hladnokrovno.
8. Серебрякова В.А. Преступность среди женщин как объект криминологического изучения / В.А. Серебрякова // Вопросы борьбы с преступностью. Москва : Юридическая литература, 1975. Вып. 22. С. 27–35.
9. Убийство и убийцы / под редакцией Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегала, Ц.М. Фейнберг. Москва : Издательство Мосздраотдела, 1928. 375 с.

Наказание в виде штрафа для несовершеннолетних с экономической точки зрения

Мелюханова Евгения Евгеньевна,
преподаватель кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук
Melyukhanova@list.ru

В статье рассматривается наказание в виде штрафа для несовершеннолетних с экономической точки зрения. Кривая индивидуального предложения труда для несовершеннолетнего является восходящей и соответствует эффекту замещения. Если у несовершеннолетнего отсутствует самостоятельный заработок, то назначить наказание в виде штрафа как денежного взыскания невозможно в силу отсутствия источника поступления денежных средств. При взыскании штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей становится необоснованным снижение размера штрафа на основании ч. 2 ст. 88 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). В заключение автор вносит предложение об изменении ч. 2 ст. 88 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, наказание несовершеннолетних, наказание в виде штрафа для несовершеннолетних, кривая индивидуального предложения труда.

Punishment of Minors in the Form of a Fine from the Economic Standpoint

Melyukhanova Evgenia E.

Lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article is devoted to the punishment in the form of fine for juveniles from an economic point of view. The individual labor supply curve for juvenile is upward sloping and corresponds to the substitution effect. If juveniles have not independent incomes, there is no way to impose a sentence of fine, because no a source of income. A reduction of fine under article 88 of the Criminal Code is not unfair in the case of recovery of fine, which was imposed to juvenile, from his parents or other legal representative. In conclusion the author offers to amend article 88 of the Criminal Code.

Keywords: criminal law, criminal punishment, punishment for juveniles, punishment in the form of fine for juveniles, individual labor supply curve.

Вопросы уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних являются важной составляющей российского уголовного права. В уголовном законе предусмотрен специальный раздел V, посвященный уголовной ответственности несовершеннолетних, который включает в себя главу 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Среди предусмотренных уголовным законом особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних существуют особенности назначения наказания в виде штрафа, которые вызывают определенные проблемы. Будучи одним из самых распространенных в судебной практике видов наказаний, наказание в виде штрафа для несовершеннолетних не рассматривалось с точки зрения экономической обоснованности.

Содержащиеся в уголовном законе положения, касающиеся вопросов назначения наказания в виде штрафа для несовершеннолетних, представляются необоснованными с экономической точки зрения. Это касается как минимум двух положений:

1) предусмотренная ч. 2 ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)¹ возможность назначения несовершеннолетнему наказания в виде штрафа при отсутствии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание;

2) предусмотренная ч. 2 ст. 88 УК РФ возможность взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей.

Штраф является одним из видов наказаний, находящимся в системе наказаний, которая предусмотрена ст. 44 УК РФ. Поэтому сущность уголовного наказания в виде штрафа, без сомнения, имеется.

По нашему мнению, сущность наказания — это отрицательная оценка деяния и лица, признанного виновным в его совершении, которая выражается в признании необходимости применения к этому лицу предусмотренных уголовным законом лишений или ограничений прав и свобод в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления этого лица и предупреждения совершения новых преступлений. То есть сущность

наказания заключается не просто в отрицательной оценке деяния и лица, его совершившего, а именно в такой оценке, на основании которой суд, руководствуясь законом, приходит к выводу, что лицо должно претерпеть лишения или ограничения². Какие именно лишения и ограничения должен претерпевать осужденный, зависит от вида назначенного наказания.

Следуя логике законодателя, предусмотревшего возможность отбывания³ уголовного наказания, назначенного несовершеннолетнему, его родителями или иными законными представителями, можно распространить такую возможность на все виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним.

Кроме штрафа, несовершеннолетним могут быть назначены следующие виды наказаний: лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок. Почему указанные виды наказаний за несовершеннолетнего не могут отбывать его родители или иные законные представители, даже при наличии их согласия?

В уголовном праве существует принцип личной ответственности, согласно которому уголовную ответственность может нести только физическое лицо, и причем только то, которое совершило это преступление⁴. В связи с этим И.Я. Козаченко признает неудачной новеллу, предусмотренную в ч. 2 ст. 88 УК РФ.

Существует и другое мнение относительно возможности взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему, с его родителей или иных законных представителей, причем без их согласия. Так, по мнению А.А. Ашина, целесообразно закрепить в УК РФ положение, согласно которому исполнение штрафа не будет зависеть от желания родителей и законных представителей, сформулировав его следующим образом: «Суд может по своему усмотрению обязать уплатить

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Мелюханова Е.Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.Е. Мелюханова; УрГЮУ. Екатеринбург, 2017. С. 16–17.

³ Применительно к штрафу используется термин «взыскание». Употребляя термин «отбывание», мы имеем в виду другие виды наказаний, назначаемые несовершеннолетним.

⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 41.

штраф, назначенный несовершеннолетнему, родителей или законных представителей несовершеннолетнего»⁵.

В целом мы поддерживаем идею А.А. Ашина о наибольшей целесообразности назначения несовершеннолетним наказания в виде штрафа за хищение чужого имущества, но только при условии наличия у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Возложение обязанности уплатить штраф на родителей или законных представителей несовершеннолетнего в принципе, а тем более без их согласия, нарушает принцип личной ответственности.

Существуют и иные аргументы, кроме давно высказанных в научной уголовно-правовой литературе, в пользу исключения возможности взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей, основанные на принципе личной ответственности.

Исходя из уголовно-правового принципа личной ответственности, считаем, что назначение несовершеннолетнему наказания в виде штрафа возможно только при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка, в том числе по экономическим соображениям.

Экономисты признают, что «фактор труд имеет не только экономическое значение, но и социальное, так как доход от него — заработная плата — для большинства населения является основным»⁶. Более того, доход от такого фактора производства, как труд, имеет юридическое значение, в частности, уголовно-правовое. Причем не только наказание в виде штрафа способно оказать уголовно-правовое воздействие на заработную плату осужденного, но и другие виды наказаний.

Согласно ч. 1 ст. 46 УК РФ штраф есть денежное взыскание. Взыскание может осуществляться только при наличии определенного источника денежных средств. Таким источником для большинства населения, тем более для несовершеннолетних, является доход от фактора производства труд — заработная плата.

Законодательная регламентация наказания в виде штрафа неоднократно соотносится с заработной платой осужденного. Во-первых, согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев. То есть штраф назначается в том числе в размере заработной платы несовершеннолетнего осужденного за определенный период. Во-вторых, согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. То есть размер штрафа ставится в зависимость от возможности получения осужденным заработной платы.

Поскольку наказание в виде штрафа назначается с учетом возможности получения осужденным заработной платы, а также ее размера, следует рассмотреть особенности формирования цены на рынке труда в условиях совершенной конкуренции.

Индивидуальное предложение труда определяется его временными издержками через соотношение со ставкой заработной платы. Кривая индивидуального предложения труда имеет следующий вид.

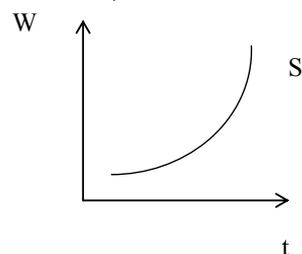

Рис. 1. Кривая индивидуального предложения труда

На рис. 1 наблюдается зависимость ставки заработной платы W от временных издержек t , которая определяет положение кривой индивидуального предложения труда S .

Необходимо отметить, что при определенных обстоятельствах «кривая предложения труда отдельного работника не всегда будет восходящей»⁷. Это обусловлено эффектом замещения и эффектом дохода.

В частности, «эффект замещения побуждает людей больше трудиться, так как рост ставки заработной платы делает досуг экономически невыгодным»⁸. Эффект замещения наблюдается на рис. 1. Ему соответствует восходящая кривая индивидуального предложения труда.

И наоборот, «эффект дохода состоит в том, что более высокая заработная плата повышает благосостояние человека, он начинает больше ценить свободное время и, главное, может позволить себе больше досуга без снижения уровня жизни»⁹. Эффекту дохода соответствует нисходящая кривая индивидуального предложения труда.

Таким образом, с учетом эффекта замещения и эффекта дохода кривая индивидуального предложения труда принимает следующий вид.

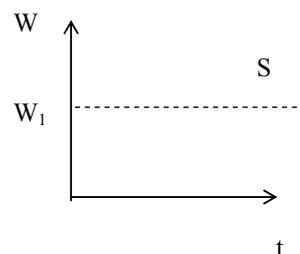

Рис. 2. Кривая индивидуального предложения труда с учетом эффекта замещения и эффекта дохода

⁵ Ашин А.А. Проблемы применения штрафа в отношении несовершеннолетних за хищение чужого имущества // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3. С. 56.

⁶ Экономическая теория : учебник / Е.А. Аникина, Л.И. Гавриленко. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2014. С. 225.

⁷ Экономическая теория. Микроэкономика — 1, 2 : учебник / под общ. ред. Г.П. Журавлевой. М. : Дашков и К, 2014. С. 622.

⁸ Там же. С. 622–623.

⁹ Экономическая теория. Микроэкономика — 1, 2 : учебник / под общ. ред. Г.П. Журавлевой. М. : Дашков и К, 2014. С. 623.

На рис. 2 кривая индивидуального предложения труда с учетом эффекта замещения и эффекта дохода S имеет две области определения относительно ставки заработной платы W . Первая область определения от нуля до W_1 является восходящей и соответствует эффекту замещения. Вторая область определения от W_1 до ∞ является нисходящей и соответствует эффекту дохода.

Кривая индивидуального предложения труда для несовершеннолетнего, очевидно, будет располагаться в самом начале первой области определения от нуля до W_1 , являясь восходящей и соответствовать эффекту замещения. Как правило, большинство лиц в возрасте до восемнадцати лет вообще не занимаются трудовой деятельностью. Человек в этом возрасте занимается обучением. Даже если несовершеннолетний занимается трудовой деятельностью, он только начинает свой профессиональный путь и не может рассчитывать на высокую ставку заработной платы. Поэтому кривая индивидуального предложения труда для несовершеннолетнего является восходящей и соответствует эффекту замещения. Причем при достаточно длительной продолжительности рабочего времени ставка заработной платы для несовершеннолетнего будет минимальной.

Исходя из уголовно-правового принципа личной ответственности именно несовершеннолетний должен нести уголовную ответственность за совершенное преступление. Поэтому наказание в виде штрафа, назначенное несовершеннолетнему, должно быть направлено на лишение именно его имущественных прав.

Поскольку законодательная регламентация наказания в виде штрафа неоднократно соотносится с заработной платой осужденного, то на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что для несовершеннолетнего индивидуальное предложение труда соответствует минимальной ставке заработной платы, даже при достаточно длительной продолжительности рабочего времени.

В связи с этим считаем, что положения ч. 2 ст. 88 УК РФ, предусматривающие уменьшение размера штрафа для несовершеннолетних¹⁰, являются экономически обоснованными. Согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев.

Таким образом, в абсолютной величине нижний предел штрафа для несовершеннолетних снижен в пять раз (с пяти тысяч рублей до одной тысячи рублей), а верхний — в сто раз (с пяти миллионов рублей до пятидесяти тысяч рублей). Штраф в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего сокращен только по верхнему пределу в десять раз (с пяти лет до шести месяцев).

Следовательно, в части установления размера штрафа для несовершеннолетних уголовный закон не противоречит экономическим реалиям, чего нельзя сказать о возможности назначения несовершеннолетнему наказания в виде штрафа при отсутствии у несовершеннолетне-

го осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Если у несовершеннолетнего отсутствует самостоятельный заработок, то назначить наказание в виде штрафа как денежного взыскания невозможно в силу отсутствия источника поступления денежных средств. Такое очевидное препятствие для назначения несовершеннолетнему наказания в виде штрафа не помешало законодателю предусмотреть возможность назначения штрафа при отсутствии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Для таких случаев законодатель счел возможным взыскание штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей.

При взыскании штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей становится необоснованным снижение размера штрафа на основании ч. 2 ст. 88 УК РФ. Родители или иные законные представители несовершеннолетнего осужденного занимают иное положение на рынке труда. Они могут рассчитывать на более высокую ставку заработной платы в соответствии со своим профессиональным уровнем и опытом профессиональной деятельности. Кривая индивидуального предложения труда родителя или иного законного представителя несовершеннолетнего осужденного отличается от кривой индивидуального предложения труда самого несовершеннолетнего осужденного. Возможно, кривая индивидуального предложения труда родителя или иного законного представителя несовершеннолетнего осужденного будет являться нисходящей и соответствовать эффекту дохода. В таком случае происходит аннулирование принципов, положенных в основу раздела V, посвященного уголовной ответственности несовершеннолетних.

В общей норме, предусмотренной в ч. 3 ст. 46 УК РФ, размер штрафа определяется судом с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. При этом для несовершеннолетнего, в силу возможности взыскания штрафа с его родителей или иных законных представителей, возможность получения несовершеннолетним заработной платы или иного дохода абсолютно не имеет значения. Представляется, что такое положение нельзя признать удовлетворительным.

По нашему мнению, следует изменить ч. 2 ст. 88 УК РФ. Во-первых, путем исключения возможности назначения несовершеннолетнему наказания в виде штрафа при отсутствии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Во-вторых, путем исключения возможности взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей вне зависимости от их согласия.

Таким образом, ч. 2 ст. 88 УК РФ необходимо сформулировать следующим образом: «Штраф назначается только при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда не может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей вне зависимости от их согласия».

¹⁰ Уменьшение размера штрафа для несовершеннолетних по сравнению с общей нормой, содержащейся в ч. 2 ст. 46 УК РФ, где устанавливается размер штрафа по общему правилу.

Литература

1. Ашин А.А. Проблемы применения штрафа в отношении несовершеннолетних за хищение чужого имущества / А.А. Ашин // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3. С. 55–58.
2. Мелюханова Е.Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.Е. Мелюханова. Екатеринбург, 2017. 26 с.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник / ответственный редактор И.Я. Козаченко. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. 592 с.
4. Экономическая теория : учебник / Е.А. Аникина, Л.И. Гавриленко. Томск : Издательство Томского политехнического университета, 2014. 413 с.
5. Экономическая теория. Микроэкономика — 1, 2 : учебник / под общей редакцией Г.П. Журавлевой. Москва : Дашков и К, 2014. 934 с.

Осуществление и защита прав детей в международном публичном и международном частном праве

Смирных Сергей Евгеньевич,
ученый секретарь
Российской Ассоциации международного права,
кандидат юридических наук
avtor@lawinfo.ru

В статье исследуются различные теоретические аспекты осуществления и защиты прав детей в международном публичном и международном частном праве. Отмечается, что защита прав детей может осуществляться как в рамках международного публичного, так и международного частного права и имеет свои существенные различия в зависимости от предмета и метода правового регулирования, а также источников права.

Ключевые слова: международное публичное право, международное частное право, осуществление и защита прав детей.

Exercising and Protection of the Rights of Children in Public and Private International Law

Smirnykh Sergey E.
Academic Secretary of the Russian Association of International Law
PhD (Law)

The article explores various theoretical aspects of the realization and protection of children's rights in international public and international private law. It is noted that the protection of the rights of children can be carried out both within the framework of international public and international private law and has its significant differences depending on the subject and method of legal regulation, as well as sources of law.

Keywords: public international law, international private law, the implementation and protection of children's rights.

При исследовании вопросов взаимодействия международного публичного и международного частного права в сфере осуществления и защиты прав детей представляется необходимым рассмотреть некоторые исторические вопросы становления и развития международного публичного и международного частного права.

Так, еще в 1917 г. Б.Э. Нольде отмечал, что история науки международного частного права в России в значи-

тельной степени не исследована¹. В современном мире это утверждение не потеряло своей актуальности и в отношении вопроса о соотношении и взаимодействии международного публичного и международного частного права в сфере прав детей.

¹ Нольде Б.Э. М.И. Брун (1860–1916) и наука международного частного права в России // Вестник гражданского права. 1917. № 3-5. С. 7.

В связи с этим следует отметить, что для исследования современных вопросов взаимодействия международного публичного и международного частного права в сфере защиты прав детей представляется необходимым исследовать некоторые теоретические вопросы статуса детей в международном публичном праве. В связи с этим следует иметь в виду, что вопрос о статусе личности в международном праве является одним из наиболее спорных².

Несмотря на то что большинство российских ученых в области международного права придерживаются точки зрения о том, что индивид не может быть субъектом международного права, существуют и противоположные точки зрения.

Так, В.С. Верещетин отмечал, что пришло время снять «табу» с обсуждения вопроса о правосубъектности личности в современном международном праве³.

Х. Лаутерпахт утверждал, «что в той степени, в какой Устав Организации Объединенных Наций содержит обязательство уважать основные права и свободы, он ведет к признанию индивида субъектом международного права»⁴.

Л. Оппенгейм допускал, что в определенных случаях допустимо рассматривать физических лиц как непосредственно наделенных правами и обязанностями и в этих пределах делать их субъектами международного права⁵. Д.И. Каченовский причислял к субъектам международного права не только государства, но и подданных⁶.

Следует иметь в виду, что межгосударственные отношения входят в область международного публичного права. Отношения между гражданами и организациями, которые возникают в международной жизни, относятся к сфере международного частного права⁷.

В связи с этим необходимо отметить, что защита прав детей может осуществляться как в рамках международного публичного, так и международного частного права и имеет свои существенные различия в зависимости от предмета и метода правового регулирования, а также источников права.

Так, предметом регулирования в международном публичном праве являются отношения между государствами по вопросу о правах детей. В предмет регулирования в международном частном праве входят отношения между физическими лицами по поводу детей.

Особенностью метода регулирования прав детей в международном публичном праве является отсутствие

надгосударственного аппарата принуждения к соблюдению правовых предписаний.

Источниками международного публичного права в области защиты прав детей являются международные договоры и международные обычаи. Источниками международного частного права в сфере прав детей является также внутреннее законодательство государств.

При этом понятие «внутреннее законодательство» необходимо трактовать широко. К нему относятся законы и подзаконные акты, а также судебная практика стран, в которых прецедент признается источником права⁸.

Роль внутреннего законодательства государств в деле осуществления и защиты прав детей в международном частном праве определяется тем, что в этой отрасли права речь идет о регулировании гражданско-правовых отношений, в которых субъектами прав и обязанностей являются физические и юридические лица.

Источником правового регулирования прав детей в международном публичном праве является, например, Конвенция о правах ребенка 1989 г.⁹. К источникам международного частного права относятся такие конвенции, как Конвенция о международном похищении детей 1980 г.¹⁰ и Конвенция о защите детей 1996 г.¹¹.

Необходимо отметить, что взаимодействие международного публичного и международного частного права в сфере осуществления и защиты прав детей носит комплексный характер. На практике правоотношения с участием детей переходят из сферы международного частного права в сферу международного публичного права и, наоборот, из сферы международного публичного права в сферу международного частного права.

Тесная связь международного частного и международного публичного права в сфере права детей на благоприятную окружающую среду связана с тем, что в международном частном праве речь идет о таких отношениях, которые являются результатом международной жизни.

Связь международного частного и международного публичного права в сфере прав детей не противоречит различиям в действующих законах отдельных государств.

Следует иметь в виду, что под детьми в силу положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. понимаются человеческие существа до достижения 18 лет, если по законам, применимым к детям, они не достигают совершеннолетия ранее.

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые общие вопросы соотношения публичного и частного права. Публичное право должно выражать интересы обществ и государств. Частное право представля-

² Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке : монография / В.А. Карташкин. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2015. С. 126.

³ См.: Верещетин В.С. Советские мирные инициативы и развитие международного права // Тез. докл. XXXI Ежегодного собр. Сов. Ассоц. Междунар. Права. М., 1988. С. 5.

⁴ Lauterpacht H. International law and Human Rights. London, 1950. P. 35.

⁵ Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. М., 1949. С. 42, 203–204.

⁶ Каченовский Д.И. Курс международного права. Ч.1. Харьков, 1866. С. 20.

⁷ Лунц Л.А. Международное частное право. М. : Юридическая литература, 1970. С. 9.

⁸ Лунц Л.А. Международное частное право. Общая часть. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 47.

⁹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаага, 25 октября 1980 г.) // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7452.

¹¹ Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Гаага, 19 октября 1996 г.) // СЗ РФ. 2013. № 32. Ст. 4297.

ет собой инструмент развития и защиты индивидуальных прав лиц.

При этом необходимо иметь в виду, что в международном публичном и в международном частном праве взаимодействуют общественные и индивидуальные интересы.

Международное публичное право предусматривает некоторые частно-правовые составляющие, и международное частное право обладает некоторыми элементами публичности.

Следует отметить, что важным качеством соотношения международного публичного и международного частного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения является баланс между публичным и частным правом.

Международное частное право можно рассматривать как принадлежащее к внутригосударственному праву. Несмотря на то что международное частное право в области прав детей в ряде стран признается внутригосударственным правом, нормы о правах детей зафиксированы не только во внутригосударственных источниках права. Международные по своему характеру отношения в области прав детей необходимо регулировать как нормами международного публичного, так и нормами международного частного права.

При анализе систем международного публичного и международного частного права в области прав детей следует руководствоваться тем, что международное частное право есть особая система национального права.

В теоретической правовой литературе существуют различные точки зрения по вопросу о том, является ли индивид субъектом международного права.

Так, С.В. Черниченко придерживается точки зрения, согласно которой индивиды объективно не способны быть участниками межгосударственных отношений и подчиняться прямому воздействию норм международного права¹².

По мнению Н.А. Ушакова, субъекты внутригосударственного права не могут являться субъектами международного права, поскольку они подчинены юрисдикции того или иного государства, а субъектов международного права характеризует взаимная неподчиненность какой-либо власти¹³.

Однако существует и точка зрения о том, что индивиды являются субъектами международного права. Г. Лаутерпахт в 1950 г. в своей книге «Международное право прав человека» отмечал, что в международном праве отсутствуют нормы, которые препятствовали бы индивидам приобретать права, закрепленные обычным или договорным международным правом.

В 1980 г. уругвайский юрист Э. Хименес де Аречага, являвшийся председателем Международного суда Организации Объединенных Наций, признавал возможность предоставления межгосударственными договорами индивидам определенных прав, а также международных средств защиты этих прав¹⁴.

Вызывает интерес рассмотрение международно-правовых основ взаимодействия международного публичного и международного частного права в области прав наиболее уязвимых групп населения.

Взаимодействие международного публичного и международного частного права в области прав наиболее уязвимых групп населения должно осуществляться для удовлетворения социальных интересов.

В связи с этим следует отметить, что в международном частном праве речь идет об отношениях между частными лицами по поводу их частных, т.е. личных, семейственных и имущественных, прав и обязанностей¹⁵.

Коллизионные вопросы семейного права существенно различаются между собой в различных государствах. Эти различия касаются форм брака, материальных условий его действительности, регулирования личных и имущественных отношений в семьях, условий допустимости и порядка оформления разводов.

Следует иметь в виду, что механизм обеспечения защиты прав детей в современных условиях представляет собой сложный правовой комплекс, включающий в себя как внутригосударственные, так и международные средства. При этом регулирующее воздействие международного права проникает в такие сферы, которые ранее составляли исключительную компетенцию государств.

Вызывают интерес некоторые вопросы осуществления и защиты права детей на благоприятную окружающую среду. В результате человеческой деятельности часто происходит такое воздействие на природу, которое выходит за границы отдельных государств. Экологические кризисы затрагивают большинство государств мира¹⁶.

Некоторые аспекты права детей на благоприятную окружающую среду закреплены в Программе Организации Объединенных Наций по окружающей среде 1972 г.¹⁷ (далее — Программа).

В силу этой Программы каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду, качество которой должно обеспечивать ведение достойной жизни.

Человек испытывает на себе влияние окружающей среды, которая обеспечивает его существование и возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития.

Следует принимать все необходимые меры для предотвращения загрязнения окружающей среды веществами, которые могут поставить под угрозу здоровье детей и нанести вред живым ресурсам.

В 1982 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций была принята Всемирная хартия природы¹⁸. Согласно этому документу человечество представляет собой часть природы, жизнь в гармо-

¹² См.: Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Научная книга, 2014. С. 328.

¹³ См.: Ушаков Н.А. Международное право: учебник. М.: Юристъ, 2000. С. 21.

¹⁴ Хименес де Аречага Э. Современное международное право. М., 1983. С. 259–260.

¹⁵ Брун М.И. Международное частное право // Золотой фонд российской науки международного права. Т. II. М.: Международные отношения, 2009. С. 107.

¹⁶ Международное право: учебник / отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкаревич. М.: Юристъ, 2005. С. 380.

¹⁷ Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде 1972 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/uper/> (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁸ Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М.: БЕК, 1996. С. 132–135.

нии с которой способна обеспечить наилучшие возможности для развития творческих начал человека, отдыха и организации досуга.

Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г.¹⁹ предусмотрела положение о том, что для достижения целей устойчивого развития необходима забота о людях. Дети должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь и доступ к информации о состоянии окружающей среды.

Странам следует сотрудничать для сдерживания или предотвращения перемещения любых видов деятельности и веществ, которые наносят экологический ущерб или вред здоровью детей.

Окружающую природную среду необходимо защищать от применения ядерного и других видов оружия и стремиться к достижению согласия государств в вопросах ликвидации и полного уничтожения таких видов оружия.

В связи с этим следует иметь в виду, что Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 1977 г.²⁰ ограничивает право сторон, находящихся в вооруженных конфликтах, выбирать методы или средства ведения войн.

При этом должен действовать запрет применения оружия, снарядов, веществ и методов ведения воен-

ных действий, причиняющих излишние страдания, а также нанесение серьезного ущерба окружающей природной среде.

При ведении военных действий необходимо проявлять заботу о защите природной среды. Такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войн, которые причиняют ущерб природной среде и представляют угрозу здоровью или выживанию детей.

Одной из актуальных современных проблем является тематика осуществления и защиты права детей на благоприятную среду. Представляется, что для реализации и защиты права детей на благоприятную окружающую среду необходимо разработать юридически обязательную международную конвенцию. Эта конвенция могла бы предусматривать положения о понятии космического мусора, порядке обмена информацией между государствами о механизмах предупреждения образования космического мусора и способах ликвидации уже существующего космического мусора.

Представляется, что для реализации права детей на благоприятную окружающую среду целесообразно принять Конвенцию Организации Объединенных Наций «О праве детей на благоприятную окружающую среду», которая предусматривала бы определение понятия благоприятной окружающей среды, содержание права детей на благоприятную окружающую среду, а также гарантии реализации и защиты этого права.

В заключение следует отметить, что вопрос осуществления и защиты прав детей в свете соотношения и взаимодействия международного публичного и международного частного права остается актуальным и заслуживает дальнейших исследований.

¹⁹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 26.05.2019).

²⁰ Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.

Литература

1. Абдуллин А.И. Зарождение и развитие науки международного частного права в дореволюционной России / А.И. Абдуллин // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. Москва : Международные отношения, 2009. 460 с.
2. Брун М.И. Международное частное право / М.И. Брун // Золотой фонд российской науки международного права. Т. 2. Москва : Международные отношения, 2009. 460 с.
3. Верещетин В.С. Советские мирные инициативы и развитие международного права // Советский ежегодник международного права. 1987. Москва : Наука, 1988. С. 12–23.
4. Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке : монография / В.А. Карташкин. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. 176 с.
5. Каченовский Д.И. Курс международного права. Ч. 1 / Д.И. Каченовский. Харьков : Унив. тип., 1866. 336 с.
6. Лунц Л.А. Международное частное право / Л.А. Лунц. Москва : Юридическая литература, 1970. 357 с.
7. Лунц Л.А. Международное частное право. Общая часть // Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3 томах. Москва : Госюриздат, 1959–1966. Т. 1. 1959. 280 с.
8. Международное право : учебник / ответственный редактор Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкаревецкая. Москва : Юристъ, 2003. 495 с.
9. Международное публичное право : сборник документов / составители и авторы вступительной статьи К.А. Бекяшев, А.Г. Ходаков. Т. 2. Москва : БЕК, 1996. 530 с.
10. Международное частное право: современные проблемы / ответственный редактор М.М. Богуславский. Москва : ТЕИС, 1994. 507 с.
11. Нольде Б.Э. М.И. Брун (1860–1916) и наука международного частного права в России / Б.Э. Нольде // Вестник гражданского права. 1917. № 3–5. С. 5–25.
12. Оппенгейм Л. Международное право. В 4 томах. Т. 1. Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм ; перевод с 6-го английского издания, доп. Г. Лаутерпахтом ; под редакцией и с предисловием С.Б. Крылова. Москва : Гос. изд-во иностр. лит., 1949. 548 с.
13. Самович Ю.В. Право человека на международную судебную защиту : автореферат диссертации доктора юридических наук / Ю.В. Самович. Казань, 2007. 439 с.
14. Ушаков Н.А. Международное право : учебник / Н.А. Ушаков. Москва : Юристъ, 2000. 302 с.
15. Хименес де Аречага Э. Современное международное право / Э. Хименес де Аречага ; перевод с испанского Ю.И. Папченко. Москва : Прогресс, 1983. 480 с.
16. Черниченко С.В. Контурные международного права. Общие вопросы. Москва : Научная книга, 2014. 592 с.

References

1. Lauterpacht H. International law and Human Rights / H. Lauterpacht. London : Stevens & Sons, Ltd., 1950. 475 p.

Правовой статус несовершеннолетних и их законных представителей при проведении вакцинации

Бобровская Ольга Николаевна,

доцент кафедры медицинского права

Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова

Минздрава России (Сеченовский Университет),

кандидат юридических наук, доцент

uracadem@yandex.ru

Социальное неблагополучие людей нередко приводит к вспышкам опасных и социально значимых инфекций, многие из которых являются управляемыми и, следовательно, могут быть предотвращены. Например, за период с января по декабрь 2018 г., по данным Роспотребнадзора* РФ, зафиксировано 61 544 случая заражения туберкулезом, из них более 5 тыс. случаев вновь возникшего заражения приходится на детей. Возможность отказа от вакцинации становится фактором риска инфицирования, а принятое решение родителем — фактором, определяющим здоровье ребенка. Защита интересов детей трактуется родителями и как право по своей воле определить риски заражения опасными инфекциями. Поскольку в законодательстве не установлена ответственность родителей за отказ от вакцинирования детей, принято считать, что они действуют в своем праве и в интересах детей. Рассмотрим некоторые обстоятельства реализации такого права.

Ключевые слова: добровольность вакцинации, риски заражения, правовые последствия отказа от вакцинации.

The Legal Status of Minors and Their Legal Representatives at Vaccination

Bobrovskaya Olga N.

Associate Professor of the Department of Medical Law of the I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University)

PhD (Law), Associate Professor

Social problems of people often lead to outbreaks of dangerous and socially significant infections, many of which are manageable, and therefore can be prevented. For example, for the period from January to December 2018, according to Rosпотребнадзор of the Russian Federation, 61 544 cases of tuberculosis infection were recorded, of which more than 5 thousand cases of newly arisen infection are in children. The possibility of refusing vaccination becomes a risk factor for infection, and the decision made by the parent — a factor determining the health of the child. Protection of children's interests is interpreted by parents and as the right to determine the risks of infection with dangerous infections at will. Since the law does not establish the responsibility of parents for refusing to vaccinate children, it is assumed that they act in their own right and in the interests of children. Consider some of the circumstances of the implementation of this law.

Keywords: voluntary nature of vaccination, risks of infection, legal consequences of non-vaccination.

В настоящее время все больший интерес, как среди специалистов практической медицины, так и среди граждан и прежде всего родителей несовершеннолетних детей, вызывает проблема, связанная с добровольностью вакцинирования, которая одновременно влияет как на увеличение случаев инфицирования социально опасными и иными управляемыми инфекциями, так и лишает возможности эпидемиологов осуществлять полный контроль над эпидемиологической ситуацией в стране, которые фактически купируют очаги заражения, а не предупреждают их возникновение.

Вместе с тем в связи с расширением миграционного потока из стран, по которым данные о проведении вакцинирования не всегда оперативно доступны, дети, находящиеся в постоянном контакте в местах отдыха и в образовательных организациях, все более подвержены рискам заражения. Иницируя полный или частичный отказ от вакцинации под предлогом неблагоприятных последствий (кроме установленных случаев индивидуальной непереносимости), родители нередко наносят лишь вред ребенку, создавая иллюзию контроля над его жизнью и подвергая риску заражения со-

* Статистика по инфекционным заболеваниям в России за январь — декабрь 2018 г. URL: https://rospotrebnadzor.ru/activities/statistical-materials/statistic_details.php?ELEMENT_ID=11277

циально опасными заболеваниями. Например, вакцинация против туберкулеза проводится новорожденным детям в родильном доме при отсутствии противопоказаний. Однако специалисты Роспотребнадзора РФ отмечают, что родители, пользуясь правом на отказ от постановки БЦЖ, достаточно часто не проводят своим новорожденным детям прививки против туберкулеза. При этом туберкулезом заболевает 10% от числа инфицированных, из них 5% — в течение первых двух лет после инфицирования, другие 5% — в течение всей жизни. В этот период ребенок эпидемически опасен, а его лечение — длительно и сложно¹.

В научных публикациях врачей-инфекционистов дается подробный анализ материалов и компонентов, используемых для профилактики инфекционных заболеваний. Живые вакцины содержат непатогенные штаммы микроорганизмов, которые не способны вызвать болезнь, но сохраняют возможность к размножению, создавая модель инфекционного процесса. В настоящее время живые вакцины, используемые в России, это: БЦЖ против туберкулезного менингита; оральная полиомиелитная вакцина ОПВ, содержащая ослабленный живой вирус полиомиелита типов 1, 2, 3; коревая живая вакцина; живая вакцина против ветряной оспы. Вряде случаев, например, для лиц, страдающих иммунодефицитными состояниями или ВИЧ-инфицированным, живая вакцина заменяется на неживую инактивированную². Возможные случаи нежелательных реакций фиксируются и исследуются на предмет токсичности и возможности дальнейшего применения. В настоящее время как живые, так и неживые вакцины могут применяться к детям с различными неврологическими нарушениями, с эпилепсией и тяжелой патологией ЦНС. В этой связи в целом опасения родителей часто не оправданы, мнимы и опасны для здоровья их детей, лишенных доступной вакцинопрофилактики в системе ОМС.

Однако вслед за отказом от вакцинирования наступают последствия, предусмотренные законом и связанные с ограничением ребенка на посещение детских и школьных образовательных организаций. Считая право ребенка на доступ к образовательным услугам нарушенным и неся материальные потери, связанные с необходимостью находиться с ребенком дома и невозможностью трудиться, родители обращаются за судебной защитой.

Обращения родителей в суд содержат требования имущественного характера (о взыскании морального вреда с администраций образовательных организаций; о компенсации среднего заработка за время, проведенное с ребенком, не посещавшим детский сад или школу), несмотря на то что последние действуют в рамках закона и ограждают их детей от риска заражения

опасными инфекциями, устанавливая ограничения на посещения образовательных организаций или запрет на нахождение детей в определенных группах³.

Рассматривая подобные иски, суды подтверждают право законных представителей на отказ от профилактических прививок, утвержденных Национальным календарем профилактических прививок⁴ согласно ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»⁵ (далее — Закон № 157-ФЗ).

Недопонимание о рисках заражения просматривается и по отношению к собственным детям, и по отношению к окружающим. Например, отказ родителей от вакцинации против полиомиелита в отношении ребенка младшего возраста, посещающего дошкольное образовательное учреждение, связан с разобщением такого ребенка с привитыми детьми из контрольной группы, получившей прививку, на срок 60 дней⁶.

Термин «разобщение», используемый в медицинской документации, воспринимается родителями как «изоляция» их непривитых детей от привычного коллектива. Ссылаясь на тот факт, что их ребенок здоров и не имеет отводов от врача для посещения детского сада, родитель настаивает на неправомерности действий администрации, выступающей с категоричным требованием перевода ребенка в другие группы, где срок в 60 дней после окончания третьей вакцинации завершен, либо на домашнее обучение на этот же срок.

Вместе с тем образовательные организации, входящие в структуру общего образования согласно ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁷ (далее — Закон № 273-ФЗ), подчиняются положениям ст. 11 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁸ (далее — Закон № 52-ФЗ) и обязаны выполнять требования санитарного законодательства, разрабатывать и проводить санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия,

¹ Детковская Т.Н., Аббасова Е.И. Некоторые организационно-правовые вопросы в области профилактики туберкулеза среди детей // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2014. № 4 (58). С. 18–19. URL: <https://yadi.sk/i/3H27es0RZKurH> (дата обращения: 12.03.2019).

² Каплина С.П., Харит С.М., Скрипченко Н.В. Вакцинопрофилактика в России в современных условиях // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2018. № 63 (1). С. 7, 8.

³ Решение Северодвинского городского суда (Архангельская область) по делу № 2-1862-13 от 2 июля 2013 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZXzgdUhr1Wb1/> (дата обращения: 03.05.2019).

⁴ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 марта 2014 г. № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям» (Приложение № 1) // Российская газета. 2014. 16 мая.

⁵ Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» // СЗ РФ. 1998. № 38. Ст. 4736.

⁶ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 июля 2011 г. № 107 «Об утверждении СП 3.1.2951-11 «Профилактика полиомиелита»» // Российская газета. 2011. 30 декабря.

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

⁸ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

обеспечивать безопасность для здоровья человека выполняемых работ и оказываемых услуг.

Поскольку СП 3.1.2951-11 «Профилактика полиомиелита» устанавливает необходимость вакцинации от полиомиелита не менее чем в трех профилактических дозах, правило о разобщении непривитых детей от контрольной группы привитых позволяет избежать риска возможного заражения в период 60 дней. При этом речь не идет об изоляции или лишении права посещать образовательную организацию.

Решение о недопущении ребенка в контрольную группу привитых детей принимает врач-иммунолог поликлиники, проводившей вакцинацию. Администрация в свою очередь вправе предложить родителям временный перевод ребенка в другую группу или на домашнее обучение на срок 60 дней, не нарушая при этом ни одного положения санитарного законодательства, ни конституционного права ребенка на получение дошкольного образования.

Представляется, что использование права на отказ от вакцинации нередко рассматривается родителями в контексте права на защиту интересов ребенка. В развитие такого права они отказываются выполнять требования санитарно-эпидемиологического законодательства, например, приводя и оставляя ребенка в группе, прошедшей вакцинацию против полиомиелита. Настаивая на нахождении ребенка в группе привитых детей, они подвергают своего ребенка риску заражения. В этом случае администрация образовательной организации вправе издать приказ о разобщении ребенка с контрольной группой привитых детей и недопущении непривитого ребенка в данную группу, а также о переводе ребенка по выбору родителей в группы непривитых детей младшего или старшего возраста или на домашнее обучение на срок 60 дней.

Вместе с тем такое поведение родителей можно расценивать как действие против интересов ребенка при злоупотреблении родительским правом. Согласно п. 3 ст. 56 Семейного кодекса РФ⁹ (далее — СК РФ) должностные лица организаций..., которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка.

Таким образом, орган опеки может поставить вопрос об утрате родителями права на представление интересов своих детей, если установит, что между интересами родителей и детей имеются противоречия (ст. 64 СК РФ).

В других случаях посредством административных исков родители оспаривают решения руководителей дошкольных и школьных организаций о выводе несовершеннолетнего из детского сада или школы до момента предоставления заключения врача-фтизиатра об отсутствии у ребенка признаков туберкулеза, счи-

тая при этом нарушенным конституционное право ребенка на получение общего образования¹⁰.

Утверждая факт социального благополучия семьи, отсутствия контактов с туберкулезным больным, и с учетом принципа добровольности получения противотуберкулезной помощи родители находят в решениях должностных лиц образовательных организаций противоречия положениям федеральных законов. Например, ссылаясь на положение п. 2 ст. 5 Закона № 157-ФЗ¹¹, содержащее предупреждение о последствиях отсутствия профилактических прививок — временном отказе в приеме граждан в образовательные организации и оздоровительные учреждения в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий, родители полагают, что до момента клинических проявлений и симптоматики туберкулеза их ребенок не создает угрозы массовых заболеваний и может посещать образовательную организацию, которая незаконно чинит препятствия к обучению.

Однако, сопоставив положения нормативно-правовых актов, направленных на предупреждение и профилактику туберкулеза, суды отвергают претензии родителей, считая их несостоятельными.

Действительно, согласно ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»¹² противотуберкулезная помощь несовершеннолетнему в возрасте до 15 лет ...оказывается при наличии информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство одного из его родителей или иного законного представителя... Профилактика туберкулеза — комплекс мероприятий, направленных на предупреждение возникновения, распространения туберкулеза, а также раннее его выявление (ст. 1).

Поскольку родители вправе отказаться как от самой вакцинации против туберкулеза, так и от прохождения туберкулинодиагностики (проб Манту), они также считают возможным игнорировать и требования по прохождению обследования ребенка на туберкулез, неверно понимая положения или не зная содержания п. 5.7 СПЗ.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза»¹³.

¹⁰ Решение по административному иску об оспаривании решений должностного лица образовательной организации по делу № 2-10150/2015 2-10150/2015~M0-8885/2015 M0-8885/2015 от 30 сентября 2015 г. по делу № 2-10150/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hS4T9s0rnhVQ/> (дата обращения: 04.05.2019).

¹¹ Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» // СЗ РФ. 1998. № 38. Ст. 4736.

¹² Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 26. Ст. 2581.

¹³ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 октября 2013 г. № 60 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза»» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 28.

⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

В нем указано, что дети не допускаются в детские организации, если в течение месяца с момента постановки пробы Манту родители не представят заключения врача-фтизиатра.

Вместе с тем в случае отказов от пробы Манту и от диаскинтеста, входящих в перечень мер противотуберкулезной диагностики, несовершеннолетнему предлагается пройти рентгенологическое обследование, которое не имеет противопоказаний и применяется к пациентам любого возраста¹⁴. И в данном случае потребуется письменное согласие родителей на проведение рентгенологического исследования — обзорной рентгенограммы органов грудной клетки¹⁵.

Согласно ст. 17 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»¹⁶ гражданин (пациент) имеет право отказаться от медицинских рентгенорадиологических процедур, за исключением профилактических исследований, проводимых в целях выявления заболеваний, опасных в эпидемиологическом отношении.

В случае отказа и от рентгена врач-фтизиатр вправе выдать заключение о невозможности оценки состояния здоровья пациента, что вновь приведет к запрету ребенку посещать образовательную организацию до момента прохождения обследования на туберкулез и получения заключения о его отсутствии от врача-фтизиатра.

Представляется, что такой запрет связан с соблюдением прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания, гарантированную ст. 41 и 42 Конституции Российской Федерации¹⁷.

Кроме того, Закон № 52-ФЗ предусматривает общегражданскую обязанность заботы о здоровье, гигиеническом воспитании и обучении своих детей и запрет действий, влекущих за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания (ст. 10), а также обязанность образовательной организации как юридического лица соблюдать требования санитарного законодательства в соответствии с осуществляемой деятельностью (ст. 11).

Поскольку образовательная организация несет ответственность по ст. 6.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения»¹⁸ за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, установленных в том числе п. 4 ст. 41 Закона № 273-ФЗ¹⁹ (обеспечение безопасности обучающихся во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность; проведение санитарно-противоэпидемических и профилактических мероприятий; соблюдение государственных санитарно-эпидемиологических правил и нормативов), постольку она обязана следовать положениям п. 5.7 СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза» и не допускать к обучению детей, не прошедших обследование на туберкулез.

Положение п. 5.7 СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза», по заявлению Титаевой А.В., рассмотренное Верховным Судом РФ. Заявитель оспаривала его как противоречащее нормам Закона № 273-ФЗ и препятствующее реализации права ребенка на получение обучения в полном объеме, но не было признано таковым, поскольку не нарушало прав и законных интересов заявителя или положения специального законодательства²⁰.

Таким образом, вынося приказ об отстранении ребенка от посещения образовательной организации, руководитель, действуя без доверенности, в пределах своей компетенции, прав ребенка не нарушает, поскольку отчисления из образовательной организации не производит, что подтверждается во всех рассмотренных случаях²¹. При этом несоблюдение обязательных правил создавало потенциальную угрозу заражения для других детей, поскольку в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих»²² туберку-

¹⁴ Письмо Минздрава России от 7 апреля 2017 г. № 15-2/10/2-2343 «О направлении клинических рекомендаций “Выявление и диагностика туберкулеза у детей, поступающих и обучающихся в образовательных организациях”». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=222956&fld=134&dst=100212,0&nd=0.6666845800198584#08498207617295577> (дата обращения: 04.05.2019).

¹⁵ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 декабря 2014 г. № 951 «Методические рекомендации по совершенствованию диагностики и лечения туберкулеза органов дыхания, для исключения туберкулеза органов дыхания используется обзорная рентгенография грудной клетки». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70749840/> (дата обращения: 04.05.2019).

¹⁶ Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

¹⁹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

²⁰ Решение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № АКПИ14-1454 «Об оспаривании пункта 1.3 и абзаца второго пункта 5.7 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 “Профилактика туберкулеза”» (утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22.10.2013 № 60). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70819808/> (дата обращения: 04.05.2019).

²¹ Решение по административному иску об оспаривании решений должностного лица образовательной организации по делу № 2-389/2015 2-389/2015~М-107/2015 М-107/2015 от 30 апреля 2015 г. по делу № 2-389/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MpSZhb8BUv6m/>

²² Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих

лез отнесен к числу социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Наконец, в случаях когда по результатам медицинского обследования ребенка врач определенной специальности (дерматолог, аллерголог-иммунолог) принимает решение о временном отводе от проведения туберкулинодиагностики или полном запрете постановки проб Манту, в соответствии с клиническими рекомендациями «Выявление и диагностика туберкулеза у детей, поступающих и обучающихся в образовательных организациях» используются альтернативные методы обследования на туберкулезную инфекцию (диагностические тесты *in vitro*), например, диагностический тест T-SPOT.TB. Результат данного исследования не может быть принят образовательной организацией напрямую от родителя в качестве документа, достаточного для допуска к обучению и нахождению в коллективе. Такой тест должен быть исследован врачом-фтизиатром вместе с данными лабораторной диагностики в отношении ребенка и всеми медицинскими докумен-

тами об отводах от пробы Манту от врачей-специалистов.

Таким образом, заключение врача-фтизиатра является обязательным документом, который родитель (законный представитель) ребенка представляет в образовательную организацию. И только в случае предоставления такого заключения начинают работать правила о выборе формы обучения для ребенка (кроме очной), установленные в ст. 17 Закона № 273-ФЗ. Представляется, что педагогический коллектив организации, реализующий программу обучения для ребенка по индивидуальному графику в заочной форме или на семейном обучении, не должен подвергать опасности свою жизнь и здоровье. Это подтверждается и судебными решениями по гражданским искам о компенсации морального вреда, связанным с длительным сроком пропуска занятий ребенка, родитель которого не представил перечень документов в образовательную организацию²³.

опасность для окружающих» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4916.

Литература

1. Детковская Т.Н. Некоторые организационно-правовые вопросы в области профилактики туберкулеза среди детей / Т.Н. Детковская, Е.И. Аббасова // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2014. № 4 (58). С. 18–19.
2. Каплина С.П. Вакцинопрофилактика в России в современных условиях / С.П. Каплина, С.М. Харит, Н.В. Скрипченко // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2018. Т. 63. № 1. С. 5–13.

²³ Решение Суда г. Пермь по гражданскому иску о компенсации морального вреда по делу № 2-1625/2018. URL: <https://usperm.ru/practice/delo-no-2-16252018-onedopuske-v-shkolu-v-svyazi-s-otsutstviem-privivki-mantu> (дата обращения: 04.05.2019).

Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части 2 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда»: научно-практический комментарий

Николюк Вячеслав Владимирович,

главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства

Российского государственного университета правосудия,

член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации,

заслуженный деятель науки Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор

nv56@mail.ru

Владыкина Татьяна Анатольевна,

доктор юридических наук, судья в отставке

vladikina_t@mail.ru

В статье на основании анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ, действующего конституционного и уголовно-процессуального законодательства, различных точек зрения, изложенных в литерату-

ре, рассмотрен алгоритм определения формы уголовного судопроизводства по делу о преступлении, совершенном лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет, совместно с совершеннолетним, заявившим ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: преступление, уголовное дело, правовая позиция Конституционного Суда РФ, несовершеннолетний обвиняемый, соучастие, суд с участием присяжных заседателей.

Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of May 22, 2019, On the Case of Verification of Constitutionality of Clause 2.1, Part 2 of Article 30 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Following the Request from the Leningrad Regional Court: A Scientific and Practical Commentary

Nikolyuk Vyacheslav V.

Chief Research Scientist of the Department of Issues of Criminal Proceedings of the Russian State University of Justice

Member of the Scientific Advisory Board under the Supreme Court of the Russian Federation

Honored Scientist of the Russian Federation

LL.D., Professor

Vladykina Tatyana A.

LL.D.

Judge Emeritus

The article based on the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the current constitutional and criminal procedure legislation, various points of view set forth in the literature, considers the algorithm for determining the form of criminal proceedings in a crime case committed by persons under eighteen years of age, together with an adult who filed a petition for the consideration of the criminal case by the court with the participation of jurors.

Keywords: *crime, criminal case, legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, minor accused, complicity, jury trial.*

В условиях действующего правового регулирования можно с высокой степенью вероятности прогнозировать возникновение у правоприменителей трудностей в выборе подлежащих применению норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ¹ (далее — УПК РФ), регламентирующих подсудность уголовного дела суду с участием присяжных заседателей². Реалистичность такого предположения подтверждается принятием к рассмотрению Конституционным Судом РФ запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, по которому 22 мая 2019 г. им было вынесено постановление № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части 2 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда»³ (да-

лее — Постановление № 20-П), представляющееся весьма интересным, но содержательно не бесспорным.

Для начала оговорим, что, в отличие от других исследователей, не видим необходимости акцентировать внимание на вопросе о неопределенности понимания положений Конституции Российской Федерации⁴ и (или) норм УПК РФ как оснований запроса об их толковании⁵. По смыслу ст. 8 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶ судьи данного суда — обладатели наивысшей юридической квалификации. Как справедливо указала Т.Я. Хабриева, для членов Конституционного Суда РФ неопределенности, послужившей основанием запроса для других субъектов, может и не быть⁷. Однако это не основание для отказа в рассмотрении запроса и принятии по нему соответствующего процессуального решения. В частности,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Судом с участием присяжных заседателей в 2018 г. рассмотрено по существу с вынесением приговора 248 уголовных дел, с прекращением уголовного дела — 2.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части 2 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СЗ РФ. 2019. № 21. Ст. 2657.

⁴ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Немков В.А. Толкование нормативно-правовых актов. Владивосток, 2018. С. 156–158.

⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998. С. 233.

по обращению Ленинградского областного суда о проверке конституционности п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ высший судебный орган конституционного контроля РФ признал данную норму УПК РФ не противоречащей Конституции РФ, как допускающую — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 325 УПК РФ, — возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению в совместном совершении преступления лица, достигшего к моменту его совершения совершеннолетия, и несовершеннолетних лиц в случае, если суд придет к выводу о невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии отсутствия среди вмененных подсудимым тех преступлений, дела о которых выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей. Таким образом, Конституционный Суд РФ констатировал наличие коллизии норм п. 2.1 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК РФ и разрешил ее по правилам общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, отдав приоритет в применении нормам ч. 2 ст. 325 УПК РФ. Вслед за высшим судебным органом конституционного контроля РФ, исследовав и проанализировав те правовые документы, на которые он в своем постановлении ссылается, а также иные значимые правовые источники, мы пришли к нескольким отличающимся выводам.

По нашему мнению, в описательно-мотивировочной части изучаемого постановления Конституционным Судом РФ не уделено должного внимания одной из важных конституционных норм, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому делу, а именно норме ч. 2 ст. 47 Конституции РФ, содержащей акцент на реализации обвиняемым права на суд с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом. Общеизвестно, что в сфере уголовного судопроизводства для упорядочивания общественных отношений законодатель использует различные средства правового регулирования, отражающие их особенности. Выбор таких средств в каждом конкретном случае происходит произвольно, он обусловлен характером общественного отношения, регулируемого нормами уголовно-процессуального права. В тех случаях, когда уголовно-процессуальные нормы направлены на «вытеснение» общественных отношений, не отвечающих признаку социальной полезности, их основным содержанием становится описание этого запрещаемого общественного отношения, например, в том виде, который использован законодателем в п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, т.е. в исключении из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Преодоление этого запрета возможно лишь внесением соответствующих изменений в УПК РФ. Иной путь смысловой трансформации указанной нормы представляется потенциально опасным, прежде всего в силу возникновения риска «целесообразного» правоприменения.

Не секрет, что в различные исторические периоды деятельность правоохранительных органов нашего государства строилась на началах целесообразности. Причем, как известно, нередко в ущерб законности. Несмотря на практически повсеместное укоренение в мировоззрении правоприменителей, целесообразность процессуальных действий и решений фактически не имела своего формализованного воплощения. Исключение составляют лишь правовые документы первых годов становления и развития Советского государства. В настоящее время основанный на законности, других общеправовых и отраслевых принципах УПК РФ не содержит упоминания о целесообразности. Вместе с тем многие его положения сформулированы таким образом, что их применение невозможно без толкования и усмотрения, в основе которых, как правило, лежит именно целесообразность. Остро ощущая эту тенденцию, современные исследователи активно изучают различные аспекты проявления целесообразности как в деятельности правоохранительных органов и их должностных лиц⁸, так и применительно к фундаментальным проблемам, например, рассматривают ее в качестве правового принципа⁹ либо, напротив, предупреждают, что «введение целесообразности в систему принципов уголовного процесса чрезмерно расширит представления следователей, дознавателей, прокуроров и судей о пределах их возможностей в этой части»¹⁰. Не обошел вниманием категорию «целесообразность» и Пленум Верховного Суда РФ, сориентировав судей на необходимость ее учета при рассмотрении дел¹¹. Признавая, что идея целесообразности важна для решения проблем теоретического и практического характера, подчеркнем: ее использование допустимо в ситуациях, обусловленных прежде всего неконкретностью законодательных предписаний. Как представляется, положения п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ в отношении

⁸ См., например: Кунашев М.А. Проблемы соотношения понятия усмотрения следователя со смежными понятиями: «убеждение», «оценочные термины», «целесообразность» // *Российский следователь*. 2018. № 4. С. 30–34; Смирнов А.Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 8. С. 188–194, и др.

⁹ См., например: Савельев К.А., Иванов В.В. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 3. С. 54–58, и др.

¹⁰ Безруков С.С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса. М., 2016. С. 364; Безруков С.С. Актуальные проблемы определения содержания принципа законности в уголовном судопроизводстве // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2019. № 1. С. 10–13.

¹¹ См., например: п. 9 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2016. № 2. С. 3–12; п. 14 Постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // *Российская газета*. 2011. 30 декабря.

недопущения рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, судом с участием присяжных заседателей в полной мере отвечают требованию конкретности. Более того, предельная конкретность — необходимое условие формулирования и реализации запретительных норм. Данное обстоятельство, на наш взгляд, во-первых, ставит под сомнение наличие коллизии норм п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ и ч. 2 ст. 325 УПК РФ и, соответственно, возможность ее разрешения в пользу специальной правовой нормы. Во-вторых, приводит к выводу о том, что именно норма ч. 2 ст. 47 Конституции РФ имела бы основополагающее значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения запроса Ленинградского областного суда. Что же касается вопроса о соответствии нормы п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ норме ч. 2 ст. 47 Конституции РФ в контексте как прав несовершеннолетних, так и совершеннолетнего обвиняемого на суд с участием присяжных заседателей, то на него нами ранее уже дан аргументированный положительный ответ¹².

Оставаясь верным ранее обозначенным позициям по вопросу о сущности права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в части его неотнесения к числу основных прав, невхождение его в содержание конституционного права на судебную защиту, а соответственно, его трактовке как процессуальной гарантии¹³, Конституционный Суд РФ констатировал: определение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей находится в ведении федерального законодателя, которое не может расцениваться *per se* в качестве ограничения права на судебную защиту. В данной связи не вполне понятно, почему в п. 3 описательно-мотивировочной части Постановления № 20-П высший судебный орган конституционного контроля РФ отдал приоритет праву обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей. Ведь немногим ранее Конституционный Суд РФ, рассматривающий Россию как страну, стремящуюся к высоким мировым стандартам правового государства, призывал уделить повышенное внимание вопросам правового регулирования в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что в Постановлении № 20-П высший судебный орган конституционного контроля РФ сделал оговорку о том, что заявленный им подход к определению формы уголовного судопроизводства не предполагает игнорирование условий, установленных главой 50 УПК РФ. В частности, к несовершеннолетнему, привлеченному по одному уголовному делу вместе со взрослым, во всяком случае должны применяться закрепленные УПК РФ требования: 1) об обязательном участии защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ); 2) об особенностях исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 421 УПК РФ); 3) об ограничении времени допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) (ст. 425 УПК РФ); 4) об участии в допросе педагога и психолога, а в судебном разбирательстве — законного представителя несовершеннолетнего (ст. 425, 428 УПК РФ) и др. Вместе с тем эти уточнения Конституционного Суда РФ в разрешении изучаемого им запроса принципиально ничего не меняют и, более того, порождают некоторые сомнения, требующие своего устранения.

Первое из перечисленных требований не специфично, поскольку участие защитника по делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, признается обязательным вне зависимости от возраста обвиняемого (п. 6 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Второе соблюсти весьма проблематично, поскольку значительное число обстоятельств, подлежащих установлению в соответствии со ст. 421 УПК РФ, непосредственно касается личности подсудимого. Конституционный Суд РФ видит в оглашении сведений о личности несовершеннолетнего подсудимого проблему соблюдения условий конфиденциальности, которую предлагает решить традиционным для суда с участием присяжных заседателей способом, т.е. по правилам ч. 8 ст. 335 УПК РФ. Однако не все так просто. Реализация данной нормы УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего будет сопряжена со сложностями, в том числе и организационного порядка. Часть обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего подсудимого, должна будет исследоваться в присутствии присяжных заседателей, а другая часть — в их отсутствие в судебном следствии, а также на этапе обсуждения последствий обвинительного вердикта (ч. 3 ст. 346 УПК РФ). Только при таком подходе требования главы 50 УПК РФ могут считаться полностью выполненными. Не будут ли описанные процессуальные действия загромождать и затягивать рассмотрение дела, как они скажутся на психоэмоциональном состоянии несовершеннолетнего подсудимого и присяжных заседателей, которых будут неоднократно и длительно удалять из зала судебного заседания и приглашать в него вновь? Следование правилу ограничения времени допроса несовершеннолетнего подсудимого (ч. 1 ст. 425 УПК РФ) неизбежно приведет к увеличению времени рассмотрения уголовного дела в целом, дополнительным неудобствам для присяжных заседателей, связанных трудовыми обязательствами с работодателями (в особенности в сфере предпринимательской деятельности), увеличит финансовые затраты на выплату вознаграждения присяжным.

связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 2). Ст. 4189.

¹² См. подробнее: Николок В.В., Владыкина Т.А. Подсудность суду с участием присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, совершенном лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет, и совершеннолетним обвиняемым: вопросы толкования и применения п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ // Вопросы ювенальной юстиции. 2019. № 2. С. 3–8.

¹³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагудинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276 (далее — Постановление № 8-П).

¹⁴ См.: Постановление от 18 июля 2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в

В п. 4 описательно-мотивировочной части Постановления № 20-П Конституционный Суд РФ подчеркнул особую конституционно-правовую значимость права граждан на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Действительно, право человека на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей нередко трактуется как элемент демократического правового государства. В этом есть свои политические и правовые резоны, детальное изучение которых — удел в большей степени специалистов в области теории государства и права, конституционного права. В сфере уголовной юстиции все более прозаично: принципиальными видятся предоставленный законодателем выбор обвиняемым формы уголовного судопроизводства и ее последовательная реализация. Как указывалось ранее, право быть судимым судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных конституционных прав. Дополнительным подтверждением сказанному является и то, что в Постановлении № 8-П высший судебный орган конституционного контроля РФ признал не противоречащим Конституции Российской Федерации порядок, при котором имеет место полное изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей дел о терроризме и связанных с ним преступных деяниях. Развивая свою правовую позицию, Конституционный Суд РФ подчеркнул: исключение по предметному признаку из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел об определенных категориях преступлений (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ) не предполагает возможность рассмотрения дела таким судом, даже если отдельным обвиняемым по делу данные преступления не вменяются, но выделить в отдельное производство дело в их отношении невозможно¹⁵. Таким образом, высший судебный орган конституционного контроля РФ при аргументировании исключений из подсудности суда с участием присяжных заседателей «подключил» к предметной дополнительной признак персональной подсудности, подчеркнув, что в таком случае дело в отношении всех подсудимых подлежит рассмотрению судом, состоящим исключительно из профессиональных судей.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1274-О «По жалобе гражданина Байкулова Артура Ахмедовича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 3 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 2. С. 3–10.

В данной связи представляется своевременным обращение к правовой позиции Конституционного Суда РФ, обозначенной по делу В.А. Филимонова, в соответствии с которой невозможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, не является неконституционной и дискриминационной, поскольку подсудность этих уголовных дел определяется исключительно на основании закона, с учетом особенностей производства по уголовным делам несовершеннолетних¹⁶. Стремясь сохранить логику собственных воззрений, в Постановлении № 20-П высший судебный орган конституционного контроля РФ отметил, что принял названное решение по предмету, существенно отличающемуся от затронутого в запросе Ленинградского областного суда, а именно применительно к ситуации, когда несовершеннолетний обвиняется в совершении преступлений не в соучастии, а единолично. По нашему мнению, предметы указанных дел нельзя считать принципиально различными. По существу, они касаются одного вопроса — персональной подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей и исключениям из нее.

Резюмируя изложенное, заключаем:

1. Значение толкования норм права, осуществляемого Конституционным Судом РФ, для решения повседневных проблем правоприменения трудно переоценить. Вместе с тем, на наш взгляд, нежелательна ситуация «конкуренции» актов толкования с интерпретируемыми уголовно-процессуальными нормами.

2. Соблюдение принципа правовой определенности невозможно без подтверждения Конституционным Судом РФ приверженности своим ранее обнародованным правовым позициям. Как представляется, было бы уместно включить в описательно-мотивировочную часть Постановления № 20-П следующее положение: выводы, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 20 мая 2014 г. № 16-П, касаются ситуации, когда государство вывело уголовные дела о преступлениях, вмененных несовершеннолетним подсудимым по делу, из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей. Правовая позиция о невозможности рассмотреть дело в таком случае судом с участием присяжных заседателей сохраняет свою силу.

¹⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2920.

Литература

1. Безруков С.С. Актуальные проблемы определения содержания принципа законности в уголовном судопроизводстве / С.С. Безруков // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 5–15.
2. Безруков С.С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса : монография / С.С. Безруков. Москва : Юрлитинформ, 2016. 560 с.
3. Кунашев М.А. Проблемы соотношения понятия усмотрения следователя со смежными понятиями: «убеждение», «оценочные термины», «целесообразность» / М.А. Кунашев // Российский следователь. 2018. № 4. С. 30–34.
4. Немков В.А. Толкование нормативно-правовых актов / В.А. Немков. Владивосток, 2018. 244 с.
5. Николок В.В. Подсудность суду с участием присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, совершенном лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет, и совершеннолетним обвиняемым: вопросы толкования и применения п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ / В.В. Николок, Т.А. Владыкина // Вопросы ювенальной юстиции. 2019. № 2. С. 3–8.
6. Савельев К.А. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» / К.А. Савельев, В.В. Иванов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 54–58.
7. Смирнов А.Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры / А.Ф. Смирнов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 188–194.
8. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Т.Я. Хабриева. Москва : Юристъ, 1998. 254 с.

Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда»

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3.1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Ленинградского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И. Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. Согласно пункту 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации суд первой инстанции в составе судьи районного суда, гарнизонного военного суда и коллегии из шести присяжных заседателей рассматривает по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, частью пятой статьи 228.1, частью четвертой статьи 229.1, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями части четвертой статьи 66 и части четвертой статьи 78 данного Кодекса, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 105 и частью четвертой статьи 111 данного Кодекса, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет.

В производстве Кировского городского суда Ленинградской области находится уголовное дело по обвинению гражданина Д., являющегося совершеннолетним, и несовершеннолетних Д., К. и С. в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК Российской Федерации. После ознакомления с материалами дела в порядке, определенном статьей 217 УПК Российской Федерации, совершеннолетний обвиняемый заявил ходатайство, подтвержденное им в ходе предварительного слушания, о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, в то время как несовершеннолетние обвиняемые, их законные представители и защитники выразили несогласие с применением этой формы судопроизводства, ссылаясь на невозможность рассмотрения дела в отношении несовершеннолетних таким судом, и ходатайствовали о выделении их дела в отдельное производство.

Постановлением Кировского городского суда Ленинградской области от 10 сентября 2018 года на основании пункта 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации уголовное дело в отношении всех подсудимых назначено к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Отказывая при этом в удовлетворении ходатайств о выделении дела в отдельное производство, суд исходил из того, что, поскольку несовершеннолетним подсудимым предъявлено обвинение в совместном совершении преступления в составе одной группы лиц с совершеннолетним подсудимым, действия всех ее участников подлежат оценке в их совокупности. Выделение же дела в отношении части подсудимых препятствовало бы, по мнению суда, всесторонности и объективности разрешения как выделенного дела, так и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей. Изучив апелляционные жалобы, поданные на указанное решение адвокатами, действующими в защиту интересов несовершеннолетних К. и С., Ленинградский областной суд пришел к выводу о наличии неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации подлежащий применению им пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Фе-

дерации, и, приостановив производство по жалобам, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого законоположения.

По мнению Ленинградского областного суда, данная норма, исключая возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, находится в коллизии с частью второй статьи 325 УПК Российской Федерации, закрепляющей обязательность рассмотрения уголовного дела с применением этой формы судопроизводства в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявил ходатайство о рассмотрении дела таким судом, даже при наличии возражений со стороны остальных подсудимых, когда невозможно выделить дело в их отношении в отдельное производство. При таких обстоятельствах, как утверждает в запросе, пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации порождает неустранимый средствами отраслевого истолкования конфликт конституционных ценностей, нашедших отражение в статьях 19 и 47 Конституции Российской Федерации, поскольку фактически лишает лицо, достигшее к моменту совершения преступления совершеннолетия, права на рассмотрение его дела законным составом суда (в том числе с участием присяжных заседателей) в случае совершения им предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК Российской Федерации преступления в соучастии с несовершеннолетними и невозможности выделить дело в отношении несовершеннолетних подсудимых в отдельное производство.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности рассмотреть по ходатайству подсудимого, совершившего преступление в совершеннолетнем возрасте, уголовное дело, отнесенное к предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей, применительно к случаям, когда выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении совместно с ним участвовавших в совершении преступления несовершеннолетних подсудимых признано невозможным ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения как дела, выделенного в отдельное производство, так и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в главе 2 права и свободы человека и гражданина, включает в их число право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (статья 47, часть 2), а в главе 7 о судебной власти и прокуратуре указывает также, что, если это предусмотрено федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей (статья 123, часть 4).

Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу приведенных конституционных положений, данное право — в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности — не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, не подлежащего изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации (статья 64 Конституции Российской Федерации), а выступает в качестве одной из его процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Как следует из этих статей, определение категорий уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, а равно изменение его ранее установленной подсудности относятся к ведению федерального законодателя и не могут расцениваться *per se* в качестве ограничения права на судебную защиту (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П).

Вместе с тем законодательное определение компетенции суда с участием присяжных заседателей не должно сопровождаться нарушением прав и свобод человека и гражданина, а также их конституционных гарантий, — на исключение подобных нарушений ориентируют законодательную власть правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации относительно вытекающих из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допустимых пределов ограничения прав и свобод. Такие ограничения возможны лишь при обеспечении их соразмерности конституционно признаваемым целям и при сохранении существа и реального содержания затронутого права. Дискреция федерального законодателя в регулировании реализации права на доступ к правосудию и права на законный суд, в том числе с участием присяжных заседателей, не абсолютна и не освобождает его от обязанности не допускать — при обеспечении принципа справедливого судебного разбирательства — умаления права на судебную защиту и регламентировать подсудность уголовных дел с учетом требований правовой определенности. При этом он должен учитывать, что, по смыслу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, судопроизводство с участием присяжных заседателей, когда не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно разрешает вопрос о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость. Недопустим произвольный и необосно-

ванный отказ федерального законодателя от этой формы судопроизводства, непосредственно определенной Конституцией Российской Федерации применительно к защите права на жизнь как базового для осуществления всех иных конституционных прав, при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П признал не противоречащим Конституции Российской Федерации порядок, при котором имеет место полное изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей дел о терроризме и связанных с ним преступных деяниях, таких как вооруженный мятеж и насильственный захват власти, вызванное их повышенной сложностью и спецификой самих преступлений, предопределяющих в современных условиях правомочие именно профессиональных судей, а не коллегии присяжных делать вывод о виновности или невиновности в этих деяниях на основе исследования фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств.

В Определении от 28 июня 2012 года № 1274-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что пункты 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, как исключающие по предметному признаку из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела об определенных категориях преступлений, не предполагают возможность рассмотрения дела таким судом, даже если отдельным обвиняемым по делу данные преступления не вменяются, но выделить в отдельное производство дело в их отношении невозможно. В таком случае дело подлежит рассмотрению в отношении всех подсудимых судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции, являющимся законным судом для всех подсудимых. Иное приводило бы либо к нарушению законодательного исключения из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел о соответствующих преступлениях, а потому к разрешению дела незаконным составом суда, либо к его разрешению в условиях, не отвечающих требованиям справедливости, всесторонности и объективности.

Выводы, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации в названных решениях, касаются лишь ситуации, когда государство вывело уголовные дела о преступлениях, вмененных некоторым подсудимым по делу, из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей. Правовая позиция о невозможности рассмотреть дело в таком случае судом с участием присяжных заседателей сохраняет свою силу, и настоящее Постановление ее не затрагивает.

2.2. В Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации признал конституционным пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, не предполагающий в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, которым в силу положений Уголовного кодекса Российской Федерации не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, поскольку подсудность таких дел определяется исключительно на основании закона, с учетом особенностей производства по уголовным делам несовершеннолетних и установленных для них дополнительных процессуальных гарантий, включая право на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей и расширенные возможности апелляционного обжалования.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации принял названное решение по предмету, существенно отличающемуся от затронутого в запросе Ленинградского областного суда, а именно применительно к ситуации, когда несовершеннолетний обвиняется в совершении преступлений не в соучастии, а единолично, ввиду чего в его уголовном деле отсутствует необходимость изыскания баланса конституционных ценностей, имея в виду законные интересы совершеннолетнего, который бы обвинялся по тому же делу и настаивал на рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей.

Кроме того, согласно данному Постановлению изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, — при предоставлении несовершеннолетнему, обвиняемому в соответствующем преступлении, права на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей в качестве дополнительной процессуальной гарантии законного, объективного, беспристрастного и справедливого разрешения дела — не ухудшает положение несовершеннолетних и не вводит дискриминирующие различия в их обеспечении эффективной судебной защитой по сравнению с совершеннолетними. Указанное изъятие не отражается негативно на положении несовершеннолетних обвиняемых, но лишь при условии предоставления им альтернативных гарантий защиты их прав и законных интересов, с тем чтобы при применении к ним уголовного закона обеспечивался учет социальных, возрастных и психофизиологических особенностей этой категории лиц. Вместе с тем сказанное не равнозначно обратному утверждению — что рассмотрение судом с участием присяжных заседателей дел по обвинению несовершеннолетних неизбежно связано с ухудшением их положения; по смыслу данного Постановления, такое рассмотрение не является, в конституционно-правовом аспекте, принципиально недопустимым.

3. Приведенными правовыми позициями предопределяются принципиальные параметры конституционно-правового истолкования и применения нормы права, которые должны быть приняты во внимание при разрешении коллизии интересов совершеннолетних обвиняемых и их несовершеннолетних соучастников в тех случаях, когда выделение в отдельное производство уголовного дела неприемлемо с точки зрения негативных последствий для достижения целей правосудия. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, в судебной практике должно обеспечиваться — с целью соблюдения конституционно-правового баланса интересов и с учетом высшей юридической силы и прямого действия Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1) — конституционное истолкование применяемых нормативных положений, исходя из чего в процессе реализации дискреционных полномочий по определению состава, соотношения и приоритета норм, подлежащих применению в конкретном деле, суды должны следовать такому варианту их интерпретации, при котором исключается возможность ущемления гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод (постановления от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 21 января 2019 года № 6-П и др.).

Пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, будучи включенным в часть первую «Общие положения» этого кодифицированного правового акта, устанавливает правила определения предметной и персональной подсудности районного суда (гарнизонного военного суда) при рассмотрении им по ходатайству обвиняемого уголовного дела с участием присяжных заседателей, в том числе предусматривает изъятие из нее дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. В то же время часть вторая статьи 325 данного Кодекса — в отступление от общего правила о свободе выбора обвиняемыми одной из законных форм судопроизводства — закрепляет для случаев возникновения между ними разногласий, когда часть из них отказывается от суда с участием присяжных заседателей, а выделение дела в их отношении в отдельное производство невозможно, приоритет рассмотрения уголовного дела именно с участием присяжных заседателей. Эта норма помещена в часть третью «Судебное производство» данного Кодекса, которая специальным образом регулирует, помимо прочего, порядок уголовного судопроизводства в суде первой инстанции (раздел IX) и с участием присяжных заседателей (раздел XII). Тем самым часть вторая статьи 325 УПК Российской Федерации, имеющая своим основанием провозглашенное статьей 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей и предназначенная для регламентации отношений в особенной сфере правового регулирования, по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства выступает в качестве специальной нормы по отношению к общим положениям данного Кодекса о персональной подсудности дел несовершеннолетних обвиняемых, а значит, в случае коллизии между ними она обладает приоритетом исходя из общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, определяющего критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

При этом приоритет, отданный праву обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, осуществляемом, в силу статьи 324 УПК Российской Федерации, в общем порядке с учетом особенностей, предусмотренных главой 42 данного Кодекса, не предполагает игнорирование установленных главой 50 и другими его положениями, специально регулирующими производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, повышенных гарантий защиты их прав и законных интересов. В частности, к несовершеннолетнему, привлеченному по одному уголовному делу вместе со взрослым, но нуждающемуся в особой правовой защите ввиду его возрастных, психоэмоциональных и интеллектуальных возможностей, во всяком случае должны применяться закрепленные данным Кодексом требования об обязательном участии в делах несовершеннолетних защитника, о специфике круга устанавливаемых по этой категории дел обстоятельств, ограничении времени допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого), участии в допросе педагога и психолога, а в судебном разбирательстве — законного представителя несовершеннолетнего (пункт 2 части первой статьи 51, статьи 421, 425 и 428). В целях обеспечения конфиденциальности судебного процесса в случаях, когда рассматриваются дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет, допускается проведение закрытого судебного разбирательства по решению суда, который также вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе удалить несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, способных оказать на него отрицательное воздействие, с обязательным сообщением ему по возвращении в зал судебного заседания в необходимом объеме и форме содержания судебного разбирательства, происшедшего в его отсутствие, и предоставлением возможности задать вопросы лицам, допрошенным в его отсутствие (пункт 2 части второй статьи 241 и статья 429 данного Кодекса).

Кроме того, согласно части восьмой статьи 335 УПК Российской Федерации сведения о личности подсудимого — оглашение которых при производстве по делам несовершеннолетних, как правило, нуждается в соблюдении условий конфиденциальности — подлежат исследованию с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого подсудимый обвиняется. В соответствии же с частью третьей статьи 346 данного Кодекса последствия обвинительного вердикта, в том числе касающиеся назначения наказания, когда особое значение приобретает исследование полных сведений о личности несовершеннолетнего, должны обсуждаться без участия присяжных заседателей.

4. Принимая во внимание особую конституционно-правовую значимость права граждан на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, а также необходимость соблюдения справедливого баланса интересов, связанных с обеспечением права каждого на законный суд, по смыслу статьи 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 123 (часть 4), совершеннолетний подсудимый не может быть лишен конституционного права быть судимым судом с участием присяжных заседателей в ситуации, когда он заявил в соответствии с частью второй статьи 325 УПК Российской Федерации ходатайство о рассмотрении таким судом уголовного дела, по которому наряду с ним привлечены и несовершеннолетние подсудимые, а выделение в отдельное производство дела в отношении совместно участвовавших в совершении преступления несовершеннолетних признано судом невозможным, как препятствующее всесторонности и объективности процесса.

Таким образом, пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, применяемый в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 325 данного Кодекса, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку предполагает рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении совершеннолетнего подсудимого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела таким судом, и лиц, совместно с ним участвовавших в совершении преступления в несовершеннолетнем возрасте, в случае, когда выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетних признано судом невозможным, как препятствующее всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии, что среди вмененных подсудимым нет преступлений, дела о которых в силу осуществленного федерального законодателем в рамках своей дискреции регулирования выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей.

Иное влекло бы за собой — в отступление от предписаний статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации — недопустимое ограничение гарантируемого ее статьей 47 (часть 2) права обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать пункт 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, как допускающий — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 325 данного Кодекса, — возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению в совместном совершении преступления лица, достигшего к моменту его совершения совершеннолетия, и несовершеннолетних лиц в случае, если суд придет к выводу о невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии отсутствия среди вмененных подсудимым тех преступлений, дела о которых выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 2.1 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

